

У Макса Батурина был темперамент первооснователя. Начинателя больших движений. Он это знал. У него были культуротворческие претензии и демиургические масштабы.

Вряд ли он ясно представлял себе, что с ними делать, — и поэтому делал чрезвычайно многое, едва ли не всё, что попадалось под руку. Совсем коротко говоря: новейшую литературу, неформальную культуру Томска рубежа 1980–1990-х, человеческую среду, воздух времени, перформансы и скандалы — и тем самым создавал и разрушал самого себя.

Человек (катастрофического и карнавального) начала, слома опор и подрыва основ, ёрник и максималист, футурист и архаист, он был сложен и конфликтен, ироничен и страстен, зол и трагичен, циничен и нежен, эксцентричен и беззащитен, как его тексты, как его время, которого он, по существу, не пережил.

Он оставил огромное литературное наследие.

Оно как будто не пропало: после смерти поэта его друзья и родственники создали сайт «Поэт Макс Батурин», где было размещено всё им написанное.

А теперь можно (и совершенно необходимо) читать книгу независимо ни от какого интернета.

ОЛЬГА БАЛЛА

ISBN 978-5-905623-39-4



9 785905 623394 >

ВЫРГОРОД

МАКС БАТУРИН | ГЕНИЙ ОФИГЕНИЙ

МАКС
БАТУРИН

ГЕНИЙ
ОФИГЕНИЙ

ВЫРГОРОД

ПОЭТЫ АНТОЛОГИИ

«УЙТИ. ОСТАТЬСЯ. ЖИТЬ»

ВЫРГОРОД



Макс Батурин

**ГЕНИЙ
ОФИГЕНИЙ**

**Москва
Выггород
2024**

УДК 821.161.1
ББК 84
Б28

Составитель *Борис Кутенков*

Редакторы *Борис Кутенков, Николай Милешкин, Елена Семёнова*

Б28 **Батурин Макс**

Гений офигений / Макс Батурин. — М.: Выргород, 2024. — 242 с. — (Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»).

ISBN 978-5-905623-39-4

Избранные стихи томского поэта и прозаика Макса Батурина (1965–1997). Книга составлена на основе сборников, выходявших как при жизни автора, так и посмертно. Издание включает архивные материалы и фотографии, предоставленные Центром документации новейшей истории Томской области.

ISBN 978-5-905623-39-4

© Батурин М., наследники, 2024
© Юганова М., дизайн обложки, 2024
© Выргород, оформление, 2024

Андрей ФИЛИМОНОВ*

СМЕЯТЬСЯ ИЛИ ЖЕ ХОХОТАТЬ?

*При наступлении апокалипсиса обеспечьте выпивкой сначала
себя, потом собутыльников.*

(Макс Батурин. Из устного творчества)

Герой моего рассказа, Батурин Максим Александрович, поэт, журналист, мемуарист, президент Всемирной ассоциации нового пролетарского искусства, коллекционер, меломан, демонстратор пластических поз, разносчик телеграмм, защитник белорусского языка, певец рок-н-роллов, художник-абстракционист и самсебяиздатель, родился в Томске 9 января 1965 года. Служил в армии, учился на историческом факультете Томского университета, лечился в Институте психического здоровья, трижды был в реанимации, дважды — в законном браке, произвёл на свет троих детей. Ушёл из жизни 26 апреля 1997 года.

*Я мучусь игрою во взрослого дядьку
я пью спирт
я курю папиросы
я посадил дерево
я издал книжку стихов
я целую тёток
я родил сына
я не мёртвый — я знаю
но кто же родит меня*

* Внесён Минюстом Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

Книга стихов «Сказано вам русским языком!» (Новосибирск, 1994 г.), упомянутая в этом стихотворении, была издана за три года до смерти автора, посвящена Майку Науменко и открывалась чудным двустишием:

*Храни меня, Господь,
В сухом прохладном месте!*

«Я Макс Батурин, большой сибирский писатель», — так он любил представляться незнакомым людям. Иностранцам сообщал: «Их бин ди гроссе сибирише шрифштеллер!». Хотя других языков на самом деле практически не знал, но, обладая музыкальным слухом, умел точно воспроизводить произношения, мастерски имитировал акценты, причмокивая, изображал речь Брежнева, так что не отличишь.

Был ярким и нервным, как говорящий попугай в сибирских снегах.

Мы познакомились в 1987 году на «конкурсе молодых поэтов». Так назывался устроенный под эгидой местного союза писателей унылый бал графоманов, на котором Макс дебютировал в амплуа поручика Ржевского. Его стихи пугали членов СП, они называли творчество Батурина «хулиганством»:

*Два дня не слал в родимый унитаз
Я бытия блаженного излишков
Бродил блуждал вдоль серых теплотрасс
Ловил собак за тёплые подмышки...*

Макс родился в Томске и всю жизнь блуждал по лабиринтам этого города, за исключением отданных Вооружённым силам двух лет, которые он провёл вполне по-швейковски, лоботрясничая при штабе в роли секретаря-машинистки, и, пользуясь служебным положением, присвоил себе накануне дембеля звание старшины.

Родной город он называл «наше засекреченное захолустье», имея в виду расположенный по соседству «почтовый ящик» за колючей проволокой, где в обстановке полишинельной секретности производили начинку для атомных бомб.

До 1991 года иностранцев в Томск практически не пускали — за каждым допущенным из-за бугра ходила серая парочка мужчин в штатском. Однажды Макс проник на банкет, устроенный организаторами международной научной конференции в Академгородке, и представился ошеломлённым немецким физикам тем самым «сибирише шрифштеллер». Когда, довольный произведённым эффектом, он отошёл к фуршетному столу за новым бокалом бесплатного шампанского, его там скрутили гэбэшники, караулившие под сенью ресторанного фикуса.

Макс любил нарываться на неприятности в общественной и личной жизни. У него была склонность к суициду, самиздату и полигамии.

В спецхране университетской библиотеки хранились дореволюционные издания поэтов Серебряного века. Бальмонт, Гумилев, Кручёных, Кузмин, Сологуб. Вернувшись из армии, Макс часами просиживал в научке, переписывая тексты от руки (копировать запрещалось), отпечатывал на машинке самодельные сборники, которые давал почитать друзьям и подругам, сея таким образом разумное, доброе, вечное в нескольких экземплярах. Пару лет спустя Серебряный век хлынул из перестроечных типографий стотысячными тиражами, но некоторые стихи я до сих пор вижу отпечатанными на Максовой машинке:

*Лукавый хохот гнусных баб
Меня зарёю ранней встретил.*

(Фёдор Сологуб)

Сумка с книгами, рукописями и виниловыми пластинками была его пожизненным грузом, зимой и летом, днём и ночью он куда-то нёс свой нелёгкий культурный багаж, и речь его и стихи были наполнены цитатами и аллюзиями.

*Гипнотизёры выходят с транспарантами
они вздувают взглядом мартены*

*вот идут они основа нашей индустрии
гипнотизёры и престиджитаторы*

Макс был самым современным томским поэтом, в том смысле, что современность явилась к нам в пёстром шизофреническом прикиде постмодерна. Все написанное (и запрещённое) в XX веке стало доступно за считанные годы перестройки. Долгими зимними вечерами (которые в Томске продолжаются с сентября по май) интеллигентные люди запоем читали Юнга, Солженицына, Лимонова, Джойса, Фаулза, Кастанеду, Набокова, сюрреалистов, битников, обэриутов — всё вперемешку, так сказать, в одном флаконе.

*С охапкой книг выходит Эдик
Пьёт чай и пишет с крыльца
Задумчивый и нежный педик
Нашёл и потерял мальчика*

Песни на стихи Макса звучали на рок-фестивалях. Томская группа «Волосы» каталась по стране с его хитом «Я отправил её в одиссею по грязным подъездам...». Макс и сам любил выйти к микрофону с гэдээровского издания книжкой *Die Rolling Stones* и спеть *Satisfaction*, слегка не попадая в ноты. Он даже иногда подписывался «Макс Satisfaction Батурин». С Джаггером его визуально роднили чувственная выпуклость губ, припухлый и наглый рот.

Поэтому совсем неудивительно, что однажды нас пригласили в местный обком ВЛКСМ как представителей неформальной молодёжи. Комсомольские работники хотели увидеть лица своих идеологических противников. Макс доставил им полное удовлетворение, прочитав свой козырный текст 1987 года:

*Меня повстречали Оля и Ляля,
заверещали они: «О-ля-ля!»
Меня не чая встретить, гуляли
они, сучая и тихо скуля...*

Когда он закончил, один из комсомольцев довольно вежливо попросил «разъяснить смысл стихотворения».

— Разъясняю, — добродушно сказал Макс и заново прочёл от начала и до конца:

*А потом мне добрые люди сказали,
что Оля — б..дь, да и Ляля — б..дь.
И как мне быть теперь, я не знаю:
смеяться или же — хохотать.*

— Нет, вы, пожалуйста, своими словами объясните, что вы хотели этим сказать? — настаивал активный слушатель.

— Исключительно своими словами объясняю, — ответил Макс и прочёл «Олю и Лялю» в третий раз.

Никогда прежде я не видел, чтобы поэзия так внезапно и сильно преображала человека. Побагровев, как аленький цветочек, комсомолец заистерил: «Вы издеваетесь! Да что это такое? О чём эти стихи?».

Его возмущение разделили товарищи по работе, сытые парни с красными значками на лацканах серых пиджаков. Макс носил олимпийку с надорванной молнией и грязноватые джинсы. Нас попросили на выход. Встреча с неформальной молодёжью, с нашей точки зрения, удалась.

Примерно через год нас, как ни странно, опять пригласили на официальное мероприятие — это был «Телемарафон в защиту культуры», который местное ГТРК транслировало из областной филармонии. От чего и как нужно защищать культуру, а главное — кто все эти люди, назначившие себя её защитниками, было совсем непонятно. Чтобы прогнать сомнения, мы подкрепились бутылкой коньячного суррогата, и Макс, выпущенный на сцену после очередного фольклорного ансамбля, с выражением прочёл историю о том, как Алексей Максимович Горький делал минет Владимиру Ильичу Ленину. «Какой же ты Горький! Ты сладкий!» — приговаривал Ильич, теребя кудри Алексея Максимовича».

Возможно, это был первый случай в советской истории, когда слово «минет» улетело в прямой эфир. Операторы об-

ластного телевидения хотели нас побить. Один из них ударил Макса ногой в печень, но поэта защитила сумка с рукописями и бутылкой азербайджанского коньяка травянисто-зелёного цвета. Если не считать потери бутылки, «Телемарафон в защиту культуры» (с моей точки зрения) удался.

Хотя запатировать советскую власть и её вымученную культуру было уже не азартно. Обе старушки и без нашей помощи на глазах откидывали копыта.

В 1988, кажется, году в Томск приехал Майк Науменко со своим «Зоопарком». После концерта Майк и Макс пили коньяк в подвале одного из общежитий Политехнического института. Затем Макс исполнил психоделический танец сибирской птицы в шубе на голый торс и с бутылкой (вместо клюва) во рту. Наш приятель-физик снимал это спонтанное действие на восьмимиллиметровую кинокамеру. Внезапно изменившись лицом, Майк потребовал засветить плёнку. Это компромат! У группы официальные гастролы, они только что пели со сцены Дворца спорта «Трезвость — норма жизни», репертуар утверждён комсомольским бюро ленинградского рок-клуба. А тут пьяное шоу, перекошенные морды. Оператор вынужден был исполнить требование рок-звезды. После чего, заметно смягчившись, Майк взял гитару, чтобы порадовать собравшихся одной из своих главных песен:

*Кто гадит в наших парадных, кто блюёт в вагонах метро,
Кто всегда готов подбить нам глаз и всадить вам в бок перо?*

Это гопники!

Это гопники!

Это гопнички!

Они мешают мне жить!

И это была чистая правда жизни. Гопникам в те годы принадлежала вся страна. Они выходили из темноты, переворачивали урны, крушили телефоны-автоматы и нападали на прохожих. Вас могли побить в любом месте и в любое время, просто так, из чистой ксенофобии в прямом смысле этого слова. Гопники

ненавидели чужих, всех, кто хоть как-то отличался от унылого образа «нормального пацана». «Чурки» и «пидоры» были априорно обречены при личной встрече с пацанами из подворотни. Люди искусства в гопницкой номенклатуре понятий без вариантов относились к «пидорам» — длинные волосы, умные базары, дурацкие прикиды.

Вспоминается разговор с суровыми завсегдаятами кемеровского пивбара «Улыбка»:

- Вы о чём сейчас говорили?
- О Феллини.
- Вы голубые, да?

После этого началась драка. Мы были одеты в коричневые фраки со значками «Ударнику социалистического труда» и «Покорителю целины». Грудь Макса к тому же была украшена редким значком 1930-х годов «Общество помощи евреям-землепашцам».

В общем, рабочая молодёжь вела себя как гитлеровские штурмовики, только вместо фюрера у них была водка.

В 1989 году мы устроили «Неделю авангарда» в томском кинотеатре «Октябрь», в честь открытия которой воздвигли перед «Октябрём» вполне авангардную инсталляцию из раскрашенного мусора и металлолома. Памятник, так сказать, уходящей эпохе. На следующее утро к кинотеатру явилась группа мрачных пацанов, которые растоптали инсталляцию ногами. Вандалы сделали заявление: «Мы — “октябрята”, и чтобы этого говна у нас на районе не было!». В тот же день «Неделю авангарда» запретили по звонку из обкома.

Народ и партия были едины. И трудно было не уехать рассудком из этой реальности в какую-нибудь интересную фантазию. Тем более как раз тогда советский кинопрокат рассекретил формановский фильм «Пролетая над гнездом кукушки», и образ бунтаря в психушке стал привлекателен.

Томская психиатрическая лечебница, распахнувшая свои приветливые двери в 1908 году, принимала пациентов со всей

огромной губернии, от Алтая до полярного круга. Поэтому в Западной Сибири о странных людях принято было говорить, что они «с Томска». А в самом Томске неадекватному человеку советовали «съездить в Сосновый Бор» — тихий пригород, где под сенью хвойного леса стоят кирпичные корпуса больницы, чего только не повидавшие на своём веку: и Хионию Гусеву, распоровшую брюхо Распутину, и недостреленных матросов из Кронштадта.

Макс посвятил Сосновому Бору немало стихов. Он там бывал, влюблялся и занимался самиздатом на пишущей машинке своего лечащего врача.

*Две пачки сигарет
в моей потрёпанной сумке,
свежий воздух Соснового Бора,
лекарственная пустота
в моей голове
и никчёмный жар сердца
разделяют нас.*

*Я хочу позвонить тебе,
но не знаю, что сказать
в эти провода,
протянувшиеся через весь город...*

*Не надо бояться!
Освобожденье от страха —
крах болезни.*

*Только кто же
вылечит нас от любви?..*

(Из цикла «РЕЖИМ "В"»)

Весной 1988 года мы провели в Сосновом Бору полтора незабываемых месяца (я — по направлению военкомата, Макс — отдыхая от семейной жизни) и в четыре руки написали «роман-эпопею» «Из жизни ёлупней». На самом деле никакой

это не роман, а пошаговая инструкция, как ничего не делать и быть счастливым.

«Уклоняясь от трудотерапии, спали почти до прогулки, которую провели лёжа в сосновой рощице, овеваемые майским ветерком, мечтая построить на этом островке среди картофельных плантаций дом, а также устроить в психбольницах прибежища для поэтов, а поклонники чтоб вели хозяйство — поили и кормили» (Батурин — Филимонов. «Из жизни ёлупней»).

Слово «ёлупень» Макс подцепил из белорусского журнала «Работніца і сялянка», который выписывал вместе с несколькими десятками других периодических изданий. Время было такое, почтальоны надрывались под тяжестью толстых журналов, от «Даугавы» до «Памира». Белорусский язык был особой любовью Макса (да не прозвучит это с великодержавным шовинизмом), потому что звучал для нашего сибирского уха анекдотически: что ни скажешь, всё смешно, как в песне группы «Сябры»: «Вы шуміце, шуміце нада мною бярозы...».

Но анекдот вещь глубокая, футуристическая. Алексей Кручёных когда-то изобрёл веселую науку «сдвигологию», изучающую неожиданные смыслы, которые возникают в тексте помимо авторской воли («Ишак твой землю тяготил»: у Брюсова, конечно, «и шаг»). Велимир Хлебников размышлял о «соборном смысле опечатки». Чинари-обэриуты фантазировали о псевдореалистическом тексте, где в «нормальном» описании вечеринки вдруг проскальзывает фраза «Гость покачал головизной». А впрочем, что я объясняю? Этот приём применяли многие советские гении, от Венички Ерофеева до Владимира Сорокина. Вот и мы с Максом, извините за неровный почерк, использовали белорусский язык и другие лингвистические загибы, чтобы фиксировать сумбурную рябь сознания, сумерки угасающего совка и безотчётную тревогу его обитателей, которые предчувствовали, хотя и не осознавали, что всё скоро закончится — не взрывом, так всхлипом.

Разумеется, это было слишком тонко для томского книжного издательства. Книгу не напечатали («Там же маты!» — заламывала руки ответственный секретарь, в обычной жизни матерившаяся, как грузчик, придавленный роялем). После этого наш

лексикон обогатился словом «тамжематы», которым можно было заменять всё что угодно. Например: «Отцвели уж давно тамжематы в саду...». Или: «Тамжематы, тамжематы, а я маленький такой!».

А потом и печатать стало некому: издательство испарилось. Типографские мощности осваивали рекламные бюджеты: куплю-продам, газета «Из рук в руки», «Поцелуй негра» оптом, «кремлёвская таблетка» от производителя.

В стилистике этого коммерческого бреда тоже скрывалось что-то, заслуживающее писательского внимания. Мы даже шутили на тему жизни в стране победившего сюрреализма. Макс пробовал себя в роли копирайтера. И не то чтобы не преуспел, но как-то поскутнел от неустранимой пошлости рыночной экономики, с которой всё было понятно даже в её безумном постсоветском изводе. Одномерный человек заказывал музыку в формате MP3.

Может быть, Русь

(хотя — поправь меня — рынок,

хотя — ладно, пускай уж и Русь,

хоть и смерти страшнее порою).

В середине 90-х прошёл слух, что Макса выдвинули на какую-то престижную литературную премию, чуть ли не «Букер». Слух пустил новосибирский фантаст Геннадий Прашкевич, который всю жизнь косплеил Хемингуэя грубым свитером и круглой бородой, а после смерти Макса беззаботно вставил пять страниц его текста в свой роман. Он потом утверждал, что Макс дал ему разрешение использовать свой кусок, и даже обещал разыскать письмо, где об этом говорится. Но бог с ним, с фантастом. Главное, что «номинация» на «Букер» дала нам прекрасный повод выпивать за грядущее процветание сибирской литературы.

Которая так и не появилась. Но, может быть, именно поэтому ещё рано её хоронить.

О композиции книги

Сборники Макса выходили, как говорится, «без анонса». То есть однажды он появлялся — и «выдавал» другу или подруге свежееотпечатанный сборник. Его объём мог составлять шесть, восемь или десять страниц, в зависимости от того, в какой момент ему захотелось обозначить данные стихи как цикл.

Первый раздел книги называется «PRO нас только CONTRA». В него входят стихи из циклов «PRO нас только CONTRA» и «Все мы дочери Швиттерса». Всё это относится к 1988 и 1989 годам. В этот период, с момента нашего знакомства в 1987 году до, наверное, 1991 года Макс постоянно выпускал свои сборники. Мне трудно сейчас восстановить их чёткую периодизацию.

Названия разделов книги в целом соответствуют названиям рукописных сборников. Но иногда случалось так, что Макс отпечатывал большой массив своих текстов и названия сборников становились подразделами. Я помню, что был такой момент в 1991 году, когда он решил напечатать побольше своего наследия. Потом он готовил книгу «Сказано вам русским языком!», перепечатывал заново многие свои тексты, и потом уже, в 1996 или 1997 году, у него возникло намерение собрать целый корпус написанных им стихов, поэтому он по возможности старался их сохранить. И благодаря его собственным усилиям и усилиям друзей, мне кажется, это успешно произошло.

То есть ничто не мешало Максиму перепечатать свой сборник в другом виде — и подарить кому-то ещё. Я помню это на примере цикла «Из жизни ёлупней», который постоянно дописывался, переписывался, и, соответственно, существуют разные датировки машинописных текстов этой эпопеи.

Стихи из второго раздела — «Возле самого синего дома» — написаны до нашего знакомства. Это «Стихи из цикла “Месяц № 5 (истерика-буфф и цветобредставление)”», из цикла «Прокламация № 1» и из рукописного сборника «Совершенно спонтанное» (авторский подзаголовок: «Избранное из произведений октября 1986 — апреля 1987 гг.; напечатанное накануне

магнитной бури в субботний дождливый день 30 мая, чёрт бы его поб(д)рал. Ненужное зачеркнуть»). Юмористические тексты, вошедшие в раздел, Макс писал совместно с Евгением Шестаковым, автором известных текстов для Ефима Шифрина и других эстрадных сатириков. Мы познакомились осенью 1987 года, и Макс как раз подарил мне несколько сборников, среди них юмористический «Ручейник».

В третий раздел — «Производитель впечатлений» — входят стихи из цикла «Производитель впечатлений. Избранные произведения 1981–1986 гг.» и рукописного сборника «Жмых. Изборник стихов» (Томск, июль 1986), составленных автором. 1981 год — это ещё до ухода Макса в армию; возможно, он ещё не окончил школу к тому моменту, ему было 16 лет. Таким образом, «Гений офигений» охватывает разные периоды жизни Макса: армейский период, учёбу в университете, потом отчисление из университета. Это период 1981–1986 гг., когда лучшие стихи были впереди, скажем так. Макс переживал множество разных влияний; как раз тогда он засел в научной библиотеке Томского госуниверситета, о чём упоминается выше в моём предисловии, и это было ему гораздо интереснее, чем учёба на историческом факультете.

Часть четвёртая настоящего сборника — «Но кто же родит меня» — относится к периоду кризисному. В нём есть несколько необработанных текстов на уровне потока сознания, которые возникали из ниоткуда, как вода, появившаяся из-под земли и ушедшая обратно. Я бы сказал, что Максиму было особенно тяжело в то время; у него за плечами было несколько семейных историй. Родился сын, потом дочь... Это был период метаний: он то занимался бизнесом, регистрацией и перерегистрацией предприятий, то сидел в редакции газеты «Советский учитель», записывал разговоры с разными людьми, в том числе со мной, публиковался в бумажных газетах. Но в целом этот период его жизни был невесёлым, в отличие от периода 1992–1993 гг., когда затевались разные перформансы. А тут вот как-то драйва не стало. Он стал чаще обращаться за помощью к врачам, и всё это привело к тому, к чему привело.

Пятая часть сборника — «Взвейтесь кастратами, синие очи» — включает стихи из цикла «ЖЫ — ШЫ (словесный понос

о ночных мыслях и снах наяву)». Это весёлые словесные игры, эпатажные, часто основанные на каламбурах и на переосмыслении знакомых фразеологизмов («Бог любит троечниц» — понятно, что это пошло всего лишь от «Бог любит троицу») и сниженной лексики. Мне вообще кажется, что наиболее удачные стихи Макса — это те, где сочетаются формальная игра с образами и та история, которую он рассказывает. Тогда он просто «искрил» и производил тексты «ни о чём», которые ярко звучали со сцены, такие, как «Весёлые дети бежали с горы...» или «Боец скота скотина Волобоев / Тройной коньяк 5 звёзд одеколон...».

Шестая часть — «В одну и ту же воду» — из подготовленных Максом отдельных рукописных сборников «РЕЖИМ "В"», «Айболит 666», из раздела «ANDY ("Чета Петровых мечет стог")», из книг 1989 года. В 1988 году Макс лежал в Институте психического здоровья.

Седьмая часть — «Гений офигений» — стихи 1988–1989 годов — относятся к периоду жизни Макса с его первой женой Светланой. Это такое плотное советское бытование — у них была комната в квартире, где, кроме жены, были её мать и бабушка. Тогда Макс производил впечатление человека довольно счастливого, влюблённого. Помню свои визиты к нему и к его жене, которые сопровождались прослушиванием ретропластинок, как Макс их сам называл, — «Сябры», Эдита Пьеха, «Последняя электричка» Владимира Макарова... Спустя 10–12 лет многое из этого вошло в проект «Старые песни о главном». Какие-то эстрадные строки залетали в его стихи. Этот период был довольно плодотворным для него в отношении стихов. В следующем, 1988 году у Макса и Светланы родился сын Даниил.

С грядущим рождением ребёнка связана перемена статуса, когда молодой человек осознаёт, что он становится отцом. Всё это нервировало Макса, он снова ездил в Институт психического здоровья, уходил в какие-то испытания, странствия, возвращался. В каком-то из текстов цикла «Из жизни ёлупней» у него есть строки «...был изгнан во внешний мир как не соответствующий статусу мужа и отца». После расставания с женой Макс жил сам по себе, встречаясь с другими девушками,

посвящая им стихи. 1988 — это был первый его кризисный год на моих глазах, когда ему показалось, что тихая семейная жизнь лишает его свободы, и он ушёл, отправился на поиск новых вдохновляющих образов.

Франкфурт-на-Майне, 26 апреля 2023



pro нас только contra



*Из циклов «PRO нас только CONTRA»
и «Все мы дочери Швиттерса»*

* * *

Юлии Крыловой

Последние четыре апельсина
из первых трёх к которым нет любви
на сотые и тысячные доли
разобраны и съедены впотьмах

они упали в тёмные неволи
ищи свечи огарок в зеркалах
английской мне недостаёт лишь соли
и отражения в полах

о чём в ночи стенают лифтов шахты
о встречах у шиповника в бреду
о с бухты охлажденьи и с барахты
о письмах ты придёшь я не приду

о разуме мольбу и снисхожденьи
услышать нечем да и всё равно
и невозможно кто к самосожжению
готовился и ждал его давно

три сотни слов блестящих как солдаты
выстраиваются лишь позови
карьера шкурок солнечных в цукаты
рожденье вновь не умершей любви

5 марта 1988

* * *

Все улетели уехали синие стёкла
иллюминаторов отразили умчавшись меня
как хрусталик убитого скальпелем в глотку
Все улетели а в сердце моём распустилась заноза
корни пустила и вкопан теперь я как грабли
памятник времени X а быть может и Y
Слёзы плывут по кирпичным глазам одурелым
гонят меня с телеграфа взашей не берут отправлений
как рассказать мне о горе уехавшим ставшим
счастливыми внуками водопроводных магнатов
дышащих горным озоном и вентиляцией видеобаров
если язык мой как швабра истлевшая треснул
если рука моя банка течёт нитрокраской
если о господи боже и всё остальное
мерно качаясь как ветви плакучей берёзы
шепчет какие-то тихие скорбные звуки
Все улетели уехали
хоть бы сквозь землю и мне провалиться

21 июля 1988

* * *

Капает молча вода
в уединении кухни.
Лампы напротив потухли,
с крыши упала звезда.

Нынче всё так, как всегда:
рыбы в консервах протухли,
а за окном провода
хором выводят: «Эй, ухнем!».

С жиру мы, с жиру мы пухнем...
Станет нам пухом вода.

2–9 января 1988

* * *

Дяде Трушу

Лимонных вересков голубоглазый гений
радиоактивный валенок вот слово привязалось
значит снова нужно полюбить благоуханье дерева
и батареей звенящую усталость

они не могут ничего не значить
вооружённые страницы в две колонки
журавль улетел застыли липы плачут
слепые торгошаи одеколоном

всё мельче мельче и совсем исчезнет
останется лучиться перестанет
нежданно неожиданно болезненно
оглохла музыка сломался итальянец

18 ноября 1989

* * *

Всё осядет
и даже эта взвита́я ветром пыль
просочится за двойные рамы
ляжет ровным слоем на книги открытки
карандаши в стакане
будильник старые пластинки тетради

и если я не стану бороться за каждый день
меня смахнут и забудут
так же как вытирают вездесущую пыль

22 июня 1988

* * *

В разрушенных кирпичных колоннадах
не знание а может быть и да
пропахнул весь окрест чердачной пылью
а в трещинах цементная вода
кто зелень мха и хмеля поросль стен
опишет не ошибшись ни на йоту
кто сызмальства познал бетона лёд
тем вишни цвет как миф о коммунизме

ЗАСЫПАЯ

Ветер ты выгнал всех на проспекты
как тополя трепещут
ломаются яблони

Потряся сосудами
для вскармливающих препаратов
самки несутся к спермоначалу

Июнь принёс мне второе зренье
может теперь я ещё и художник
это решу я выпавшись утром

Мне ещё нужно воспеть
разноцветные лавки
дарившие меня деревянным уютом

10 июня 1988

МЫ ДОСТРОИМ

Города измочаленных изрубленных в капусту
города избитых диабетических пьяных
проползающих колоннами мимо трибун
жрущих украдкой шашлыки из собаки

города сибсельмашей сибэлектромоторов
искусственных сердец в соусе пикант
ремонтирующих двери теряющих сберкнижки
передающих адреса где переночевать со спиртом

откармливающих собак шашлыками
наполняющих аквариум пивом
обкуривающих ульи анашой
сеющих бесполезные зёрна

города метанола двуокиси азота и свинца
театров тухлых яичниц с гнилым помидором
и полумёртвых заведующих литчеством
сбитых грузовиками в открытые колодцы

города уксусных школьников без головы
трёхэтажных художников с двумя саунами
упавшего в грязь разбитого асфальта
это наше Отечество и то что отцы не достроили

5 мая 1988

1973

Школе № 8 посвящаю

Я помню, как горел шпалопропиточный завод.
Пожар осени соперничал со вспышками дизентерии.
Нам велели приносить в школу несладкий чай,
ни в коем случае не пить водопроводную воду.

Чай был противный, несладкий и рвотный.
После уроков я выливал его возле трамвайной линии.
Красная рябина, жёлтые тополя аллеи...
С третьего этажа школы чёрный дым
был ещё более впечатляющ.

17 февраля 1989

* * *

Ночь это стирка серых и красных носков
жалость к себе беременного существа
печальные столкновения поездов
ставшее невидимым безобразие городов
ненужный огонь одиноких фонарей
звуки антимира из уст полюбившего алкоголь
рентгеновское течение стихшей реки
стоны разметавшихся в горячей темноте
вдохновение рисующего луну и облака

26 июня 1988

* * *

Светке и Даньке

Беременные женщины не спят
они впотьмах следят за плода ростом
или задумавшись лежат так просто
за девять месяцев свой перекинув взгляд

ВОСПОМИНАНИЯ И МЫСЛИ БЕССОННОЙ НОЧИ

1.

Пора окончания перехода восхода в закат
застала меня ежедневно вкушающим спирт
и бесконечно удивлённым
существованием в себе двух или трёх идей
о своём будущем одновременно

2.

Путешествия на водоёмы, которые спят
днём от жаркого солнца, от морфия лунного ночью.
Посещения глубины голубых водоёмов.
Наблюдения обнажённых собратьев по камню на шее.
Шевеление судорог нежных в крови
от пронзительной близости в принципе схожего тела.
Разрезающий плоть осколок гранита,
вода, уносящая молекулы крови
в жабры дремлющих рыб, —
всё это основа возвращения по своим же следам.

Я не знаю, остались ли силы во мне не упасть
в ослепительный кафель забвенья
лицом безучастным.
Жаркий воздух июля несёт меня вверх неустанно,
наполняет виденьями голову, горло моё обжигает.
Где блестящие инеем руки Спасителя, жгущего ночью
освящённую Пименом лампу паяльную в храме

Отрезвлянья Вскружённых Калейдоскопом
Безделья Голов?
Неужели моя слепота послужит причиной паденья?!

Я сказал уже всё, что мог, и теперь
в чердаке моём ночь.
Я на рубль оштрафован в троллейбусе
южным собратом.
Каждый жизненный день мой —
передвижение взад и вперёд
по усыпанным пылью и пухом прешпектам.
Каждая ночь моя — возвращенье к натопленным ложам,
борьба с насекомыми и поглощенье таблеток.
Каждая ночь — ощущение лезвия в твёрдой руке
и провал в синеву сновидений.
Каждый мой шаг — ожидание кирпичей и колодцев...
Но не стоит об этом, пожалуй, стенать,
ибо общий фон городского шума повышен и так.
И не лучше ли просто рухнуть к ногам
изучившей как будто меня навсегда
и не верящей в то, что приду я
с царём в голове и без мухоморов в руках?!

14–15 июля 1988

3.

Как губы холодны дома разрушены
измученный потенцией усталый
почти гроза прошёл зелёный дождь
по лужам не жалея мокрых туфель
бреду куда не видели б глаза
меня не примет даже вторсырьё
кому я нужен
чёрные деревья роняют капли дышат колыхаясь

баюкают уснувших в дуплах галок
намокшие дома закрыли ставни
хозяева квартир закрыли двери
а я закрыл глаза и движусь мимо
не думаю а только вспоминаю
как в комнатах пустых упали стулья
на них бельё и шёлковое платье
как руки пахли эндогенным соком
как нежный рот ласкали молча губы
то жёстко то едва-едва касаясь
гроза сладка озоном мысли болью тонкой
спасающей от зверского желанья
ведущей в потаённые пространства
реминисценций рифм ассоциаций
не искушай сказала ты без нужды
попробую хотя не обещаю

13–16 июля 1988

* * *

Твой горький смех как сера из ушей
а я как кофемолка сломан

* * *

Ни жив ни мёртв я как вода
а голова моя отвёртка
забыв об утренней беде
в убежища дневные юркнул

и декольте своей души
прикрыл я веером молчанья
молю бесслѣзно не вотще
продлись целебное скольженье

* * *

Бессонница и нервный тик часов
две ипостаси этой лунной ночи
электрограммофона колесо
за сотней стен вздыхает и бормочет

на станции товарной тишина
у школы физкультурная площадка
триадой фонарей освещена
бездумно безразлично беспощадно

Февраль 1988

* * *

Ни этот лай безоблачной собаки
ни тёмные подсвечники несчастья
не сделают свободными колени
не обесценят выбеленных истин
не искалечат путеводных свастик
не увеличат роль ассорти-мента
ни восседанья на междугородных креслах
ни сосен инкубаторских цветенье

ПОСВЯЩЕНИЯ ТАНЕ МИШАНСКОЙ

1.

Меня не вдохновляет уже почти ничего
кроме тебя
нарушилось равновесие мира
и те кто шлют мне почтовые открытки
не знают об этом
не знают что меня почти нет
и если б не ты
собаки лакали мою кровь
изо всех водосточных канав

21 июня 1988

2.

Возле пруда
в центре которого и по краям камыши
так неожиданно было вспомнить
что до тебя я любил не один раз
и так радостно было услышать
что ты ждала меня целый день
и так хорошо было смотреть без конца
как ты собираешь букет на огромной поляне
и мысленно нанизывать поцелуи
на твои пахнущие травами руки

22 июня 1988

3.

Запасы холодной воды это память о мысленном снеге
текущем мимо островов и сосен на север
Твои руки на серой лавке возле пустых дач
повторение тысячелетних ненарушаемых траекторий
твои губы после дороги мимо зелёной реки
это газ божественного невиданного лимонада
утешающего усталость детей бессонницы
и размышлений раннего утра
Прогулка вдоль полуреальных пионерских лагерей
под журчанье невидимых существующих медленно птиц
это одновременно воспоминание о пятнадцати годах назад
пении о зелёном шуме с синей эстрады
трафаретах зубной пастой
на дешёвых трикотажных футболках
страшных плакатах о гражданской обороне
с иллюстрациями достойными апокалипсиса и «Чумы» Камю

Прогулка вдоль пионерских лагерей
это непрерывно возникающие фрагменты
обмелевшей реки
с силуэтами неслышно черпающих гравий машин
сквозь игольчатые и лиственные деревья
это автобусы мчащиеся в Юргу и Новосибирск
по почти невидимой дороге на той стороне
под тучами и облаками гонимыми солнцем

Прогулка вдоль пионерских лагерей
это непрерывное ощущение тебя
твоих глаз твоих рук твоих губ
твоего напряжённого движением тела
осторожное ликование от близости к тебе
и всему что могло быть всего лишь воспоминанием или фильмом
но никак не мечтой

ибо даже мечтать о таком
я повествователь о несбыточном и небывалом
не смел никогда

26 июня 1988

* * *

Утехи зимы:

мелю в кофемолке кожуру от апельсинов,
съеденных до Нового года, после него и в новогоднюю ночь.

Некоторые шкурки закапаны парафином,
кое-где попадают иголки, обёртки конфет...

Оболочки бывших китайских плодов,
теперь вы будете придавать пикантный привкус
чаю и тортам, а также моим
(ведь это я ссыпал вашу труху
в банку из-под бразильского кофе)
вспоминал вам.

* * *

Я видел обезглавленных евреев
в свои бредущих палестины
табун зарин заман циклон клубился
из шейных позвонков их обнажённых
и каждый нёс иконочки с Адольфом
целуя их рукой ежесекундно
трудна была незримая дорога
но цель поставлена
она — непротивленьё

10 июня 1988, утро

* * *

Центр тела телецентр
огонёчки лампочки
эх вернуться бы в плаценту
да к родимой мамочке

* * *

Способ существования меня как белкового тела —
осознание никчёмности себя самого
и всех нас, покусившихся на строительство небоскрёбов
и выкачивающих со счастливой улыбкой нефть и газ.

Самое гнусное дело — гибель пророчить народам.
Но участь стеллеровой коровы всех нас ожидает,
если не станем думать головой:
тут случайно прав Иоанн Богослов.

И если Библия не издаётся тиражами решений съездов,
то это не значит, что конец света не придёт.
Ну а на бумаге всё выглядит очень красиво,
особенно про квартиры к 2000-му году и безъядерный мир.

* * *

Я хотел бы снять и выбросить
брюки, рубаху и майку
и остаться в одних трусах и носках.

Я хотел бы читать только рекламный проспект
Томской областной конторы по прокату кинофильмов.

И ещё я хотел бы посвятить жизнь
выращиванию карликовой яблони...
И чтобы все дни были самыми длинными в году.

5 февраля 1988

* * *

Светке, моей жене

Ты говоришь деревья зацветут
и ты права всему наступит время
цветы краснеть возьмутся там и тут
забьются тучи на ветру как перья
в овраги утечёт нечистая вода
остатки городского льда и снега

а мы с тобою денемся куда

ВОЗЛЕ САМОГО СИНЕГО ДОМА

Стихи из цикла «Месяц № 5 (истерика-буфф и цветобредставление)», из цикла «Прокламация № 1» и из рукописного сборника «Совершенно спонтанное» (авторский подзаголовок: «Избранное из произведений октября 1986 — апреля 1987 гг.; напечатанное накануне магнитной бури в субботний дождливый день 30 мая, чёрт бы его поб(д)рал. Ненужное зачеркнуть»)

* * *

Итак, перспектива: поле домов,
камень травы и зелёные окна.
Мы запираем себя на замок
и позволяем предчувствиям мокнуть
на перекрёстках вечерних дорог.
Наш микроскоп захандрил, занемог.
Мы протираем фланелию стёкла.
Взгляд наш становится острым и тёплым.
Где же те дивные несколько строк?
Только обрывки: капуста и свёкла.
Валяться в ногах и жаться у ног —
разные вещи. Но не урок нам.
Лоб горяч. Месяц двурог.
Сон глубок, и дыхание ровно.
Смотри, не сделай шаг за порог.

* * *

Это входит сестра
тянет руки к огню
моет яблоки тёплой водой
говорит на улице май
посмотри это сад за окном
выйди потрогай листья
гладь зелень травы
вдохни запах заката
жарься на вертеле вечера
поливай себя белым вином ветерка
посыпай себя красным перцем луны
ешь себя белыми зубами звёзд
земля зовёт тебя чёрным шёпотом тьмы
немые звери тихо идут к тебе
их гладкие головы жмутся к руке
их жаркие языки лижут руку
их пепельные глаза смотрят в лицо
дай им немного себя
раствори в них свою пустоту
расскажи им про страшные сны
о летающих призраках лжи
о предутренних столах про ночь
о запутанных пальцах огня
тянет руки к огню
моет яблоки тёплой водой
закрывает неслышную дверь
тянет руки к огню

* * *

не девушка девочка почти мальчик
медленным шагом вдоль под сосульками

с крыши течёт вода твоих вёсен
слышишь

это деревянный модерн мечты
о переасфальтировке тротуара

дура нет у тебя господнего дара
но ты прекрасна
как милицейские посты

первоапрельский снег
выстилает благими намерениями
дорогу к аду

иди ты знаешь куда

«Дворники и воспитатели требуются детскому саду»

меня не возьмут
я — синяя борода

1 апреля 1987

ЗВЁЗДЫ? ФОНАРИ?

наши лица так странны
но было б ещё странней
если б их не было вовсе
и только улыбки безумцев
остались висеть догорая

* * *

Я величаю тебя по именам
великих противостояний.
Мы ждём, когда в прудах зацветёт вода.
Тогда, ослеплённые радугой обаяний,
мы будем знать, где наша звезда
и почему она светит так тускло,
заливая мертвенным светом поля
созревающей бело(красно)кочанной капусты
и грузовики, проезжающие, пыля.
Заворожённые речным перекатом,
который ни юг, ни восток,
мы соединим с атомом атом,
а потом зароем в песок.
Мы станем перечитывать морские тарифы,
и таможенные декларации на трёх языках
осядут на окровавленных рифах,
переливаясь на наших руках.
Наши руки сомкнуты бурей.
Пена лобзаний фосфоресцирует, и, ах,
ты подумала, что он нашёл во мне, дураке,
а я решил, что мне не бывать в дураках.
Вот и свершилось осмысление ночи.
Ноги трогают рыбий скелет.
Твой обворожительный позвоночник —
самый дорогой для меня на Земле.

ГЛУБОКОМЫСЛИЕ МАЙСКОГО ПОЛДНЯ

Это время цветения листьев
начало сезона ног и грудей
коловращение ног пляска грудей
белые ночи становятся чёрными от солнца
белые ноги становятся чёрными
обтянуты тканью синтетик
ноги моются шампунью и пемзой
отбросив их части ниже колена
воспоем оставшиеся 90 процентов
итак они вымыты и обтянуты всем чем нужно
вот они выставлены на балкон
и покрыты лаком
покрыты мраком ночи
становятца всё черней и черней
всё невидимей и невидимей
где кончаются ноги и начинается небо
где кончается ветвь оливы и начинаются листья лавра
где кончается Лувр начинается урологический музей
где конец там и начало

* * *

Чудо выходит на сцену, кутаясь в зонт
(если я что-то смыслю в зонтах),
и с удивлением смотрит, как падает снег.
Чудо думает, что, вероятно,
это сезонный весенний ремонт
и ошмётки извести падают с неба.
На Чуде куртка серозной болоньи,
сшитая где-то в Осинниках,
и великолепного фетра
валенки цвета детского сна.
Чудо зорко смотрит глазом
цвета сельди? иваси?
Где же это за деревьями бродит весна?
Оно недовольно снегом, лужей
и небом, цветом, как мент.
Бойся чуда — оно идёт к тебе, чтобы ударить зонтом.
Помолись святому Гидрометцентру. Вынь документ.
Проходи. Проваливай. И больше не
стой на конечной автобуса № 1
с распахнутым намертво ртом.

* * *

Когда нас осеняет:
водитель автобуса тоже человек?
Когда он начинает жевать
маслоброт с машинным бутером.
Когда мы понимаем:
ничто человеческое и нам?..
Когда отнимаем у шаффеура
кусочек изо рта.
Итак:
человек человеку бутерброт.
А дальше?
Дальше спроси у сельскохозяйственных животных.

ВМЕСТО ТОГО ЧТОБ МЕНЯ ЦЕЛОВАТЬ

Светке

Знаешь, рассказывай мне иногда,
когда вечер спускается влажный,
что есть где-то дивный город
Караганда,
белокаменный и бумажный.
И ещё, пожалуйста, говори
о том, что крутятся карусели,
что прилетели новые снегири
и на старое дерево сели.
О, как я буду тебе внимать!

25 февраля 1987

* * *

Слова ради слов
молчание ради молчанья
любовь ради любви
ради ради ради

10 февраля 1987

* * *

Я автобус, чей двигатель сдох
возле самого синего дома.

* * *

Было достаточно инициатив
ацетиленовый фонарь потух
катакомбы во тьме

омары на дне
одинокий пастух
их ловит сачком на аперитив

окоченелые персики на лиловом столе
в кувшине вода и лёд
за окнами но-

чь
ябрь
волуние

эмоций не счесть — темно
не я так он доплывёт
до белой грани в голубом хрустале

мучит деревья холод и стыд
ветер сорвал даже фиговый лист
замысел жизни зябок и мглист
сгорев тепла не дали мосты

* * *

Безвремяе. Безжеланье. Усталость.
Слабого нерва безвольная нить.
Ночью ты подлизаться пыталась,
я сумел себя покорить.

Помнишь, ты подарила мне локон?
Его я солнечным утром сжёг.
Голова моя — без дверей и окон.
Сердце моё — зубной порошок.

30 марта 1987

* * *

Меня уже покинули
лёгкость, беспечность и всё остальное.

А теперь и мой разум стоит у порога.
Он надел плащ и галоши
и проверяет, исправен ли зонтик.
Действительно, в такую погоду нельзя без зонта.

22 октября 1986

* * *

инженерно-техническая ваза
рыжий кобальт и синяя ржа
крики об искоренении пьяной заразы
летели до пятого этажа
лужи твердили нам это лажа
лучше начните себя уважать
быт наш безнадёжно налажен
и переполнен остриями ножа
радио льёт нам стихи про алмазы
исподтишка начинает расти трава
я умываю нарзаном бессилие глаза
знать не хочу как болит голова

* * *

Нет, мои загорелые ноги
не увидеть тебе никогда.
Пусть целуют тебя осьминоги,
мне твоя безразлична звезда.
Пусть сияет она самоварно
тем, кто бледен, спокоен и тих.
Да, могу я быть злым и коварным,
но к чему? Лучше выколю «Анна»
на ногах загорелых моих.

24 января 1987

* * *

Сиреневый от слив, лиловый от опоя,
я опускаю глаз в подземные чертоги
и вижу трубочистов, без копоти горящих,
в три голоса твердящих, что мало каши ели.
Течёт река в пещерах, холодная, немая,
и точит белый камень в безмолвии чего?
По ней плывут матросы на надувных матрацах,
их лица торжествуют и в барабан плюют.

* * *

Мной не рассказанные сказки
приснятся вам и без меня.
Вы только крепче закрывайте глазки.
Не бойтесь ночи, бойтесь дня.

производитель впечатлений

*В настоящий раздел входят стихи из цикла
«Производитель впечатлений. Избранные произведения
1981–1986 гг.» и машинописного сборника
«Жмых. Изборник стихов» (Томск, июль 1986),
составленного автором*

* * *

За штоф купил, за то и продаю —
послушайте историю мою.

Окружающая среда
тихо переливалась в четверг.
Жёлтая тлела звезда.
Урны смотрели вверх.

Листья и мелкий сор
ветер бил о кирпич.
С визгом и лязгом рессор
промчался старый «Москвич».

А я лежал, недвижим,
в ночь устремив свой взгляд.
Если бы не режим,
принял давно бы яд.

28 сентября 1986 — 4 октября 1986

ОН ЛЮБИТ ГРУШИ

Мой язык во мраке рта,
своей маленькой темницы,
за годы странствий намотал
парсеки — покой ему лишь снится!

Годами крутит он круги
по нёбу, дёснам, дырам, пломбам.
Ужасно любит он труди-
ться и всегда с апломбом

мне служит, когда я говорю.
Он рад увидеть белый свет.
И я ему добро творю —
болтаю так, что мочи нет...

Об языке своём сыздетства
я проявлял вельми заботу.
Нашёл я рычаги и средства,
заставить чтоб его работать.

Он дегустатором стал. Что же?
Сия работа важна зело.
Вперёд меня он пищу гложет,
моё лелея в неге тело.

Котор продукт мне не любезен,
плюёт он прочь. И не дай боже

такой продукт вовнутрь влезет —
язык прикушен и изгложен

зубами будет тотчас же.
Но иногда его я поощряю
конфеткой, вафлей, иль драже,
ну иль ещё там чем, не знаю.

И живём душа мы в душу,
нам вдвоём и горя мало —
околачиваю груши
я, он — сосёт то, что упало.

12 марта 1986

Я — ВОДЯНОЙ?

Я влагу Волги пальцем шупал
и Дона дну в глаза смотрел,
на Басандайке бреднем щуку
ловил. Мелькал я и пестрел
у Ангары, Оби и Белой —
давно я в реках растворён
душой и даже грешным телом,
и сам я — грязный водоём.
Я водоём, но очень странный,
во мне купаться слишком глупо
в любой сезон и день; я ванна,
в которой моют ноги трупов.

23 ноября 1985

* * *

Незаметное мерзкое что-то
по щеке проскользнуло, вопя,
и упало неслышно в болото,
и себя, и меня потопя.

Октябрь 1981

ЧТО-ТО ИТАЛЬЯНСКОЕ

Наглое собако укусило в ного
и тотчас же скрылось где-то за дорого.
Наглое собако, мерзкое скотино,
отравлю мерзавцо капльо никотино!
Разыщу нахало,
привяжу к оградо —
получай в рычало
сигарето-ядо!!!

15 февраля 1983

* * *

Почему бы не написать о чём-нибудь жалко-
трогательно-беззащитно-красивом?!
Например: у меня на окне цветёт фиалка
цветом, как спелая слива.

И далее ещё строф десять–двенадцать
о том, как я её берегу и поливаю,
о том, как не устаю ей улыбаться,
о том, как рады ей друзья, которые бывают.

И отдать этот перл в журналы и газеты,
а они напечатают его на розовой бумаге,
и читатели, вечером посетив клозеты
и развернув периодику, окунутся в магию

моей — тише воды ниже травы — лирики,
прочитав, сорвутся с унитазов, забыв спустить воду,
и прибегут ко мне, восхищаясь сквозь бурю мимики,
станут жарко целовать в небритую морду.

А я буду краснеть и смущаться, заикаясь,
буду благодарить, рассыпаясь в книксенах,
до обморока раздавать автографы,
не подпуская никого к окну, где
уже скоро год, как ведут упорную борьбу
пауки величиной с кулак
и мухи с голубиное яйцо,

свившие себе гнездо в горшке,
где когда-то цвела фиалка.

Почему бы не написать?!

18 августа 1986

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЛЯ ЦЕРКОВНОГО ХОРА.
ИСПОЛНЯЕТСЯ НА МОТИВ
ПРОСТЕНЬКОГО РОК-Н-РОЛЛА**

На земле лежит червонец
вызывающе и ярко,
и Христа я восхваляю
за такие за подарки.

К ПОСТАНОВКЕ ТЕЛЕФОНА

Я могу позвонить куда захочу,
потому что поставили дома трезвольтник.
Я от сердца урвал целый новенький стольтник
и теперь день-деньской диск прозрачный верчу.

8 июня 1984

ВДВОЁМ С КОТОМ ПО ЖИЗНИ МЫ ИДЁМ

(куски из эпоса)¹

Тщедушное тельце кота
я спас от ударной волны.
Как плакал он и хохотал!
Как голову тёр о штаны!
И зажили мы в унисон,
и пили с конфетами квас:
он счастлив был тем, что спасён,
а я — что животное спас.

¹ Заголовок и подзаголовок цикла — авторские. В настоящий раздел вошло только одно из стихотворений цикла.

* * *

Чета Петровых мечет стог.
Их мат размерен и тягуч.
Их взор — на северо-восток:
ползёт оттуда стая туч.

Пот ест глаза. В глазах туман.
Паут жужжит, как заводной.
Но машет вилами Иван,
а Марья сено мнёт пятой.

И знай — с покоса не уйдут,
покуда стог не завершат.
Ведь для себя они спешат,
лишь для себя их тяжкий труд.

22 июля 1986

* * *

Мой друг, скорей иди сюда,
смотри, прозрачна как вода!

Она бежит, искрясь журчаньем,
она блестит вчерашним сном,
она своим любима дном
и счастлива его молчаньем.
А ты? Кем ты любим безумно?
Кому ты дорог и единственный?
Молчишь? Вода горит лазурью,
а ты ненужный, но таинственный...

24 ноября 1985

САМ НЕ ПОЙМУ...

На новогоднем маскараде
я вырядился второй половиной сентября,
той, что с 15 по 30 число,
являя собой последнее тепло,
оппадающих листьев желтизну и багря-
нец. И чего бы ради?

28 января 1986

УЗНАЁШЬ?

На ноге глубокий порез,
видна слоновая кость.
Вместо другой ноги — протез,
от него обида и злость.

На руках недельный загар —
будто мазали глиной.
В одной руке чёрный наган,
в другой банка малины.

Под глазами лёгкая тень.
Отчего — бог весть...
В одном глазу антонов огонь,
в другом — Песней песнь.

Вместо носа — корнет-а-пистон,
а во рту, глубоко, как сон,
где-то рос один шампиньон,
да и сам позабыл, где он.

27 июля — 4 октября 1986

* * *

Слова не сказаны,
но я действую так,
будто всё ясно давно.

И в этом есть своя прелесть,
потому что
никем не разрешено.

Детские игрушки:
улучшение работы транспорта,
запрет на вино.

Я мог бы стать соавтором
семи чудес света,
но...

13 августа 1986

* * *

Безумная синь
апрельского неба
во мне возрождает
лишь небыль и небыль
и от возрождённых
двух небылей разом
заходит уставший мой
разум за разум.

30 апреля 1984

* * *

Длинное тело сверкнуло, упало.

Змея?

Женщина?

Привидение?

Бред.

Ёжик молока попил, убежал.

5 ноября 1986

МОЁ МНЕНИЕ

Наверное, надо иметь немалое мужество
и изощрённо-неистошущую фантазию,
чтобы про экономическое сотрудничество
стран социалистического содружества
писать стихи,
или про освоение степной зоны Евразии,
или, вооружив паркером холёные руки,
натуралистично вспоминать, как гайки крутил на морозе.

Всё это, конечно, важные штуки,
но о них лучше писать в прозе.

15 февраля 1986

ОПУС 2

Я, как владелец странноприимного дома,
страдающий идиосинкразией к лицам,
собрал в своей голове сотни обликов,
которые толпятся и распирают её изнутри.
И вот однажды, прогуливаясь по центральной улице,
я переоценил свои возможности,
поднял глаза от земли и впитал порцию
катыщихся мне навстречу лиц.

О, слабая голова моя!

Она не выдержала и раскололась,
и все собранные мною лики посыпались из неё,
как из ведра, а прохожие: кто кивал головой,
как хорошо дрессированная лошадь,
кто насвистывал, делая вид, что ничего не заметил,
а кто откровенно хохотал.

И я не успел заметить пугавшихся.

Значит, все были так же уверены в себе,
как я за пять минут до того.

Тогда я, умирая, захотел предупредить прохожих о том,
что их может постигнуть
моя участь, захрипел что-то, но в склонившиеся
надо мной несколько ушей смог
выдавить лишь неизвестно откуда всплывшее слово
«АББРЕВИАТУРА».

Уши в испуге отшатнулись и скрылись в конечной мгле.

Октябрь 1985

* * *

Кто-то неведомый листья
собрал и поджёг.
Сладкий стелется низко
дым, как и листья, жёлт.

Солнце и тёплый ветер...
Не верь!
Я рано утром заметил —
стужа стучала в дверь.

И целый день с испугом
радио ныло про снег.
Тяжким грядёт недугом
зима. Избавленья нет.

28 сентября 1986

* * *

Собаку резали, а может, линчевали.
Был вереском заполнен весь квартал.
А в доме ничего у нас не знали,
я даже безмятежно, сладко спал.

Ну а потом нам это рассказали,
и каждый неутешно так рыдал,
что прыскали водой, увещевали,
но плакать ни один не перестал.

26 сентября 1986

ВОСПОМИНАНИЕ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Две стройных фигурки в зелёном.
В руках автоматы из жести.
Мечтают об ангельской мести
и дышат тревожно палёным.
Их мамы гадают на гуще,
листают литые альбомы.
Не спят их замшелые бонны
и вяжут набрюшники пуще.
Один из них — бывший кондуктор,
он ждёт повышения в чине.
У них в вещмешках сигареты
и кофе в запаянных банках.
Мечты алкоголем согреты —
они о горячих испанках.
Ну что ещё нужно мужчине,
помимо хороших продуктов?
А вместо испанок горячих
на брата — по огненной пуле,
и обе фигурки незряче
в мадридские камни уткнулись.

Июль — 4 октября 1986

НЕРВНО, НО, НАВЕРНОЕ, НЕВЕРОЯТНО ВЕРНО

1.

Ты твердишь, что мы рядом, рядом,
а мы, поверь, так далеки...
Мы научились касаться друг друга взглядом,
но мы за тысячу лет до касаний руки.

2.

Дай в невесомости твоей
мне, притаившись, раствориться,
дай мне послушать, что струится
там, в глубине твоих очей.
Дай к роднику твоей души
припасть усталыми устами.
Возьми с собой меня. Составы
ещё не все ушли. Бежим?!

3.

Улетим от раскрашенных трав,
от подстриженных в скобку деревьев,
об антенны тела изодрав
и об облаци их отерев!

4.

Воспари, вознесись, подними меня
над мусорными баками,
над канализационными люками,
над заплёванными задворками;
научи, как оторвать взгляд от асфальта,
покажи мне, где небо,
я забыл, как выглядят звёзды...

Я устал вдыхать своими ржавыми жабрами
городской смог и окись свинца,
научи меня дышать остатками лёгких,
иначе мне не дожить до собственного конца!

Дай мне силу любви!!
Я пал так низко, что уже некуда падать,
а я всё лечу вниз.
Прошу тебя, возьми рычаг,
до которого не дотянулись
старческие руки Архимеда,
и переверни весь этот мир,
чтобы я полетел
вверх!..

Август–сентябрь 1986

* * *

СМОТРИ:

Закат давно оттлел.
По дымчатому своду
крадутся синеватых туч клочки,
скрываясь за электроламповым заводом.
Над деревянным домом
моим,
который давно уже анахронизм,
как и я сам,
великолепно,
зелёною китайской тушью
выписана лиственницы крона.
Ах, жаль, что у меня с собою нет
лезвия «Шик»,
чтобы мог я
вырезать всё это,
заменив на твой портрет в полный рост,
исполненный в твоей манере...

6 июня 1986

ИЗ ЦИКЛА «МОЯ ЛЮБОВЬ»

(обломки моноцикла)²

28.

Вы вся — изящество, вся — женственность, вся — нега,
у Вас меха и финская дублёнка...

С какую грацией Вы мучили ребёнка
за то, что он сжевал кусочек снега!

Его везли на санках Вы куда-то,
он был одет небрежно, как попало,
ему за шиворот снежинки задувало,
и он озяб, но всё-таки не плакал.

Он только крохотную нежною ладошкой
скатал снежок и ел его, мечтая
о том, чтоб Вы ему купили попугая
или хотя б не прогоняли кошку.

Но Вы, питомица Макаренко Антона,
дитя лишили и невинной сей отрады.
Своим деяниям Вы, верно, были рады
и их считали проявлением бонтона.

Бог Вам судья — ребёнок Ваш. Однако
в моих глазах вся прелесть Ваша пала.

² Оба названия — авторские. — Прим. ред.

Я отвернулся и побрёл куда попало.
Будь я ребёнком, я б, наверное, заплакал...

22 мая 1986

32.

Эти письма... Где ты получила их столько?..
Мы ехали в открытой повозке
по зеленеющим тёмной зеленью улицам,
по улицам, каменевшим домами.
Твоё платье очень шло к тёмным волосам.
Ты очаровательно смеялась.
Не помню — что, но что-то оживлённо
ты мне говорила.

Потом мы надолго умолкли.
Повозка входила то в тень, то в свет,
проезжая под тополями.
Ты стала распечатывать письма.
Я смотрел на тёмно-красный кирпич старых зданий,
на выветренный раствор между кирпичами,
на божью коровку, ползущую по раствору,
на точки спины божьей коровки.
Ты распечатала письма.
Они оказались на полиэтилене и клейкой ленте,
на целлофане, миллиметровке, станиоли,
капроне и ракорде.
Ты побледнела и сказала, что надо лететь.
Встала, поправив платье,
и взмыла, взмахнув напоследок
всей несуразицей своих посланий.
Вслед за тобой улетела божья коровка.
Дома свернулись в никелированную гофру.
Деревья скорчились в тифозной лихорадке.
Я стал в повозке пятым колесом.

* * *

За моей неприглядностью — ничего,
кроме попытки казаться приглядным.
А за этим дождём — только дождь.
А ты всё ещё от меня чего-то ждёшь,
называя меня своим ненаглядным,
обнимая и целуя меня всего.

Но я уже лишь посмертная маска
с себя самого. Я как из гипса,
да ещё вдобавок начинённый
своими дикими снами, опьянённый
необоримым желанием разбиться.
Сумеешь ли ты стать замазкой?

6 ноября 1986

* * *

Дул дождь. Шёл ветер. Бастионы лета
неуловимо рушились во тьме.
Деревья не задерживали света,
но света не было, и было грустно мне.

А ты, была хоть раз ты в грусть одета?
Не помню... Ветер, дождь и темнота.
Я — погорелого солист кордебалета.
Тебя же или нет, иль ты не та.

9 октября 1986

* * *

Достав из пыльного чемодана
респектабельный вид,
надеваю выдавшие виды штиблеты
и отправляюсь на прогулку,
вооружившись тростью.
Важно шагаю по обомлевшим улицам,
время от времени пробуя тростью
прочность деревьев, скамеек,
киосков «Союзпечати» и т. п.
Я доволен собой. Мне хорошо.
Мне здорово. Мне отлично.
Мне прекрасно. Мне великолепно.
Я счастлив.
Но вдруг в нирвану мою
врывается голос какого-то сумасшедшего:
— Простите, у Вас не найдётся спичек?
— Извините, я забыл дома свой уличный разговорник, —
отпарировываю я и гуляю дальше,
восстановив прежнее состояние.

1985

* * *

Кажется, кончился серо-буро-малиновый пролог,
отфырчала пятимесячная увертюра,
и ты впорхнула,
колибри сорок восьмого калибра,
и льёшь невидимый бальзам
на мои несуществующие раны.

У меня ещё не было таких
великолепно-рыжих.
Кто ты: лиса или воротник из неё?
Бежишь ли ты по сверкающему насту
или плывёшь на чьих-то плечах?

А! Кем бы ты ни была,
я придумаю тебя в тысячу раз лучше.

Только молчи.

5 ноября 1986

но кто же родит меня

Стихи 1994–1996 гг.

* * *

Мне не нужна ни та и ни другая
и я себе такой не нужен сам.
А флаги всё хлопочут развеаясь
тоскуя как и мы по небесам

* * *

Я мучусь игрою во взрослого дядьку
я пью спирт
я курю папиросы
я посадил дерево
я издал книжку стихов
я целую тёток
я родил сына
я не мёртвый — я знаю
но кто же родит меня

* * *

Я пахну и волей и пулей
мы виделись где-то в июле
остыла и плачет природа
а мудрости скоро два года
Вот куклы и дети уснули
а мамочки губки надули
опомнились что же мы пели
в том самом начале апреля
Тарелки на счастье мы били
и ноги разжатые ныли
потом чьи-то локти кусали
и жёнами бывшими стали
Пуховые наши постели
растаяли вместе с апрелем

* * *

День, уходя, за собой гасит свет.
Утро вернётся, как солнце и снег.
А вот о том, что тебя больше нет,
напоминает лишь тишь кастаньет.

* * *

Нам осталось остаться в траве
и прижаться к весёлой вдове,
не поехав на Бе и на Ве.
Исполнительна ветвь в голове!

9 декабря 1996

* * *

А птица, снег предчувствуя, поёт,
и снег, как смерть, ей улыбнётся молча.
Смените же мне золотую цепь
на оловянную — я долго не постился.

Во мне стучит бревенчатый камыш,
и кровь осталась только в уголочке.
Я, не прощённый за своё добро,
теперь уже не зол — зола не греет.

Я знаю, что закончились слова,
и люди все, кончая, поскончались.
Я выхожу из солнечной тюрьмы
и жду, когда меня подхватит ветер.

* * *

Дочери моей, Софии, посвящаю

Мне нравится покорность пассажиров
что в зимний загружаются троллейбус

сопливою рекой они втекают

Мне нравится эпичность волейбола
с его богато убранною сеткой

болельщики толпятся у буфетов

За горизонтом гавкают гиены
у них желанье половое смолкло

Вот так и я своё тридцатилетье
без бороды и без жены встречаю

я в новую реальность отплываю-
у-у-у-

9 января 1995

ЛЕДЯНАЯ ВАТА

Я осколки собрал
когда ты ещё не проснулась

И больше ты не заснёшь

Ты варишь борщ
бредишь и ждёшь

Try once again
It's not a game

Я тебя звал
молча ты обернулась

Ватюю ледяной обвернулась

Власть над тобой не вернулась

Нежный дым поцелуев
любовью в лёгких осел

Мы тяжелы
нечего выдохнуть

Физики нас не рассудят
лирики не простят

Звон осколков разбудит

28 сентября 1995

* * *

Оле Цылёвой

Между нами есть тяжесть,
полутёмная верность.
Ты мне ночью расскажешь —
словно бритвой порежешь.

Я тебе изменяю
лишь с тобою самою.
Я тебя обоняю
недовытекшей кровью.

Мы друг друга не знаем,
лишь два сердца, как птицы,
раз вспорхнувши, летают —
и не в силах разбиться.

* * *

Что рассуждать?

Надо делать и злиться
на безотрадное дело своё.
То, что пришла ты уже не девицей,
не возмутило моё забытьё.

Словно раскольники, жили у пирса...
Дни в ожидании скользкого дна.
Если мне даже удастся напиться —
вынырнешь ты из похмельного сна

* * *

Любезный! Милый! Отвлекись от абрикосов
и расскажи о поражении в войне.
Ты столько лет не задавал... э-мнэ-э... вопросов,
что усугубил положение вдвойне.

Ты вышел бодрый, а теперь сидишь безногий,
слепые ласточки тебе несут нектар.
Куда ушли, с кем подружились дороги?
Для них цветёт, поёт Энергодар.

3 ноября 1995

* * *

Голуби били тревогу
снились зелёные сны
мы проторили дорогу
к самым воротам весны

голуби били тревогу
на колокольнях пустых
НАС в мире так немного
будь же одной из них

* * *

Начался Юлин месяц.
Она по привычке надела чёрное платье.
Я вымок сквозь серый пиджак.
Денежки кончились в наших смешных кошелёчках.
Радость в душе расцвела.
Юля всегда для меня,
онанизм как явление изжит.
Я омылся внезапной водою. Я честен.
Нежен Олег с Победителем, сыном Мужчины-Защитника.
«Братья Скатурины» вышли в тираж.
Жарища и пух.
Мы с тобой не в Иркутске. Здесь мы сейчас.
Страхом башка заболела. Не жаль мне трусливой башки.
Сёдла уё..щ из тонких и дорогих материалов.
Зла больше нет, и отверстия лестниц — как воздух.
Мы полетим, как драконы, как змеи —
цветные заплаты небес. Без оплаты —
сквозь вечный июль,
Юлия, дочь Победителя, —
живые, сияя, в величье моё.

1 июля 1996

* * *

Когда летишь почти не плача
и песню селезня поёшь
молчишь как радиорассказчик
или ореховку жуёшь

воочью зришь: нон-стопа нету
но ведь и стопа тоже нет

Лететь нам до скончания света:
без дна без хитрости сюжет

Декабрь 1995

* * *

Во сне ты снимаешь штаны а ноги твои волосаты.

В Черновцах твои хаты.

Яремчука хоронят. На зарі.

Лидкино шоколадное масло я ел ложками.

Коричневое как телевизор по которому —
«Циники» через 70 лет как живые.

Мы хохотали, как бездетные.

22 июля 1995

* * *

о ледяных дворцах ты пишешь письма
поёшь об отвращении к любви
огрызки пончиков твоё растлили сердце
заблудший бог название наслал

в селеньях огненной воды потух огарок
приди увидишь чёрные ладони
уйди не крикнув молча навсегда
У ледяных дворцов горит вода

21 октября 1995

* * *

А голову чесать начнёшь — не перестанешь.
Как можешь жить ты мной,
вливать этил и печень есть сырую?
Назвать тебя хранительницей теста?
Оно сырое больше, чем промежность.
Промежность «после» более сырая.
Сырей, чем ты,
а ты светлее сливок.
Пух летит, но он тебя не остановит.
На вид
твой рот краснее мармелада.
Это вместе улетело с рамазаном.
Евонный сабантуй закончился дуэлью,
заведомо проигранной,
и сизое лицо Евгения NN
за полтора столетия разбилось.
...Варишь чай ты отвратительный;
лишь он меня низвергнет с этих лестниц
нелюбви и райских пицц.

* * *

Если уйду — то хотя бы как мальчик,
если вернусь — то хотя бы как сон...



Совсем юный Макс Батулин. Фото Александра Батурина

Будущий томский поэт Макс Батулин. Фото Александра Батурина





С братом Андреем (слева) и соседской собакой Спутником
на крыльце своего дома, ул. Белинского, 60

Автограф стихотворения «Италиада»

ИТАЛИАДА

Капкое собаксо укусило в ногу
и тот час же сиротлось где-то за
дорого.

Меркное собаксо, нталкое скотинко,
отравлю мерравцо каплюе никотинко!

Разошцу махало,
привлянту и оградо.

получей в рогало
~~сигарето~~ - ядр!!!

75.02.1983



С мамой
и братом Андреем (слева).
Октябрь 1976 года



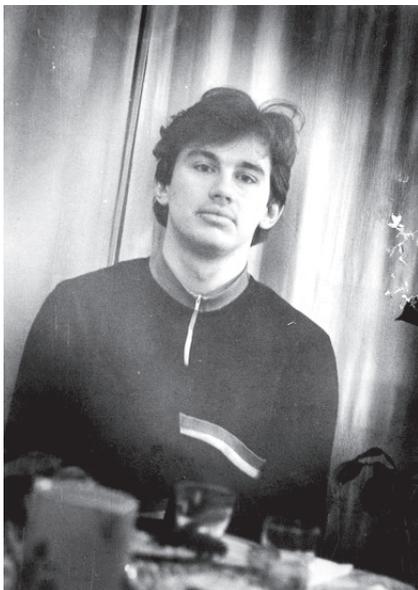
С мамой (крайняя справа),
братом Андреем (второй
справа) и соседкой Ниной



*Пост № 1 у памятника погибшим в Великой Отечественной войне.
Лагерный сад. Август 1980 года*

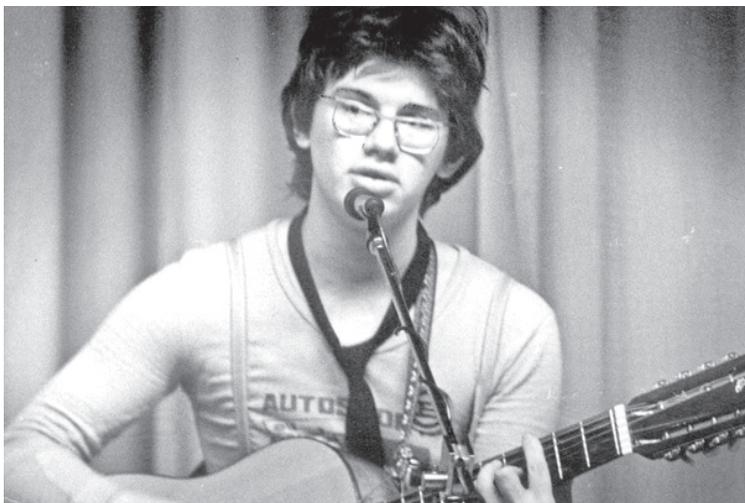
*Слева направо: Борис Привалихин, Макс Батурин,
Андрей Филимонов*, поэт Николай Лисицын*





*Слева (оба фото):
первая половина 1980-х*

*Справа: пост № 1 у Вечного
огня. Макс Батурин (справа)
с братом Андреем.
Август 1980 года*



Первая половина 80-х

Слева: октябрь 1981 года

Справа: обложка семейного самиздатского журнала, который выпускали братья Батурины с помощью отца-фотографа





Андрей Филимонов* и Макс Батурин. Новосибирск, 1988 год

*Во время археологических раскопок.
Макс Батурин — второй слева*





Кафедра журналистики ТГУ.

С заведующим кафедрой Олегом Недоговоровым. Март 1989 года

Слева: дома

Справа: дома. 16 июня 1983 года





16 марта 1983 года

Автограф
стихотворения
«Нет, мои загорелые
ноги...»

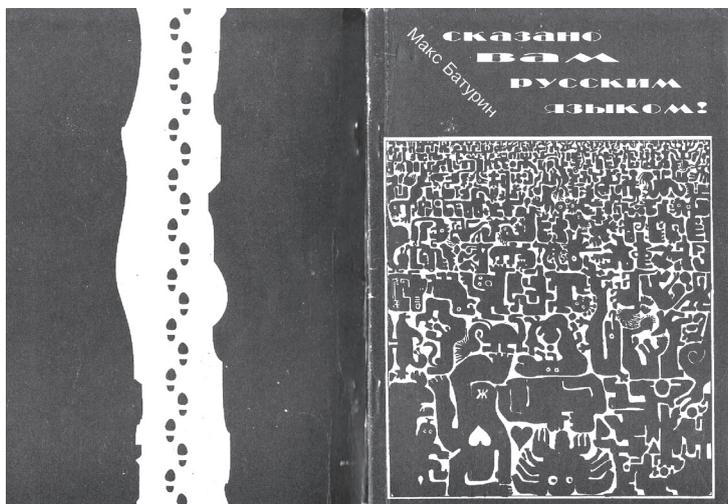
X X X
Нет, мои загорелые ноги
не увидят тебе никогда.
Пусть целует тебе абылиноги.
Мне твоя безразлична звезда.

Пусть сидит она самоберно
там, где безден, спокоен и тих.

Да, могу я пить шамп и коварным,
но и чему? ^{Курше} ~~Курше~~ выколсо "Анна"
на ногах загорелых моих.

24.01.1987

М. Бурлака



Первый вышедший в издательстве сборник стихов.
Художник Игорь Куртуков. Новосибирск, 1994 год

Слева: первый посмертный сборник, художник Валентин Долгов.
Томск, 1997 год

Справа: Макс Батури́н с поэтом Николаем Хоничевым

Макс Батури́н



Стихотворения



Центр тела - телецентр,
огонёчки-лампочки...
Эх, вернутся ли в плаценту
да и родимой лампочке.

✓

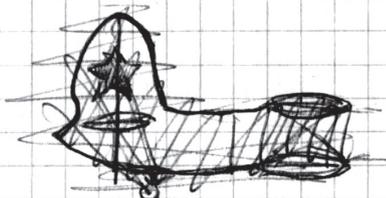
Автограф стихотворения «Центр тела — телецентр...»

Пил, курил -

был да смел.

8. XII. 1982.

Макс. Бурлюк



Он был дураком, факт,

Автограф стихотворения «Пил, курил...»

Автограф стихотворения «Осенив себя крестным знаменем...»

Осенив себя крестным знаменем,
и Несмотря на то, что в сердце томление,
а в душе беспричинная злость,
я иррационально избегаю вальсировать с умчавшимся
человеком с лицом, как лопнившее крепление
и лунным (головой, или слоновьею мордой)

17.01.86

Макс. Бурлюк

(17)

Графоманы
Мы все житам в оному мастоу
товарищ, кудь, - крабдйт оне
и в Кашкете безжалостно
гит кишут кшша амене.

автограф автора с черкык

Автограф стихотворения «Графоманы»

Автограф стихотворения «Поэту»

ПОЭТУ
Плевай!
на книжках дурнословов.
Писай!
и тудея
твердый!
Факвай!
гоми побаломе
кэвев.
Ровгай!
и зурь
в старое
ванзый!!

8. XII. 1982.

Миксая Бурман

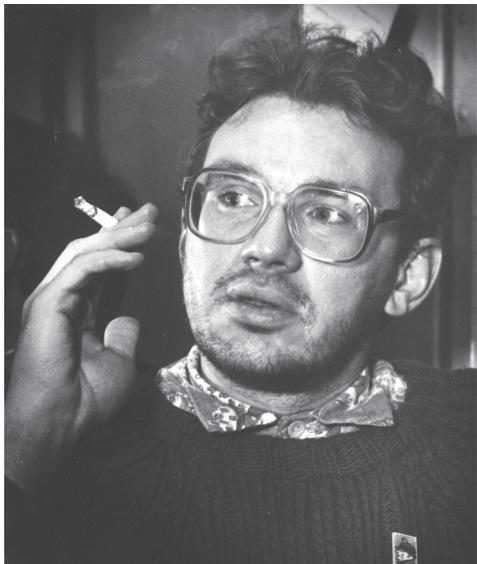
Издание орфографически и грамматически правильное. Подписанное лично автором, но не аутентифицированное к изданию, а посылу — тайное. Посему, также, цена его — 3.000. рублей (цена магазинная). Сз приложением:

А. Ф.

ниси:
(Прилагается фотография
АУТОРА и его
1993 год
друга.)

Требуется приложение.

Автограф Андрея Филимонова* на самиздатском сборнике
Макса Батурина «Знакомые буквы»



1996 год

Макс Батулин

**СКАЗАНО
ВАМ
РУССКИМ
ЯЗЫКОМ?**

Второй
сборник
СТИХОВ

Борогому Толмичу
с тысячами козелуев
и кошелами вальских,
Хороших и радных.

Макс

ЦЭРИС
Новосибирск
1994

Март
1994, Томск

взвейтсь кастратами, синие очи

Из цикла

«ЖЫ — ШЫ (словесный понос о ночных мыслях и снах наяву)»

* * *

Настрадались мы, настрадались...
Синим пальцем из мусоропровода
манит всё утро меня Нострадамус
отведать цианистого бутерброда.

* * *

Самоубийца спит вполу-
ха сны немые зрит вполглаза
в его сознании разру-
ха на лице проказа

он весь смертельная зараза
для тех кто жарит камбалу

БОСА-НОГА

Слон в летнюю ночь
мой матрац надувной
по воде нефтяной
по ноге ледяной
кто-то крадётся нагой
боса-ноге невмочь
я не понимаю где мои носки
я гляжу на ноги подыхаю от тоски
боже всемогущий сохрани мои мозги
боса-нога ночью и кругом ни зги

Утро прёт в сапогах
на воловьих ногах
в полудиких мозгах
солнце йезус-аллах
в золотых зеркалах
боса-нога в носках

и я понимаю что мои носки
это шерстяной машины волоски
солнце льёт коньяк в варёные мозги
боса-нога бьёт мозги на дребезги

Август 1987

ПРОБУДИВШИСЬ

Хотелось не яблок, а семечек их.
А может быть, писем на сербскохорватском.
Ужас приснившийся вовсе не стих,
в окна и уши разнузданно рвался.

Может быть, это был паратиф
или же козни ефрейтора в штатском,
но арсеналы петард и шутих
стали у самого носа взрываться.

Рот мой высвистывал гимна мотив.
Друг мой, Израиль Иудович Иайцман,
молча примеривал презерватив
и вождеюще челюстью клацал.

* * *

Пошарив рядом растекающейся рукой,
я не нащупал подставки под голову,
отчаялся совсем, и уронил её,
и вместо того, чтобы заснуть, как очень хотел,
неожиданно взбодрился,
стал растирать загустевшими ладонями серое лицо,
захлопал деревянными веками,
потянулся до хруста в стуле
и сломал позвоночник.

* * *

Из опьянённых бензином потёмков
я выползаю на лестничный марш
нате берите для хилых потомков
крутите оздоровительный фарш

нате струите в глаза мои фосфор
нате трубите в ноздрю про Ла-Манш
монографии про Иеронимуса Босха
отнимайте для столетних мамаш

* * *

О чём бежишь ты в капроновом пиджаке
на волосатых ногах бегемота
недостижимый бульдозер застыл вдалеке
у несокрушимого основанья морфлота

в очертаньями замысловатой руке
украшенной браслетами иркутскоблфото
увязла прокисшая легенда о моряке
возведённом в застенчивый ранг идиота

три вдохновения колбасы и полтора эскалопа
такова цена свободы ха-ха
для того кто не имеет за душою греха
наша жизнь до зевоты скучная склака

* * *

*...тот бледный кавалер,
тот сумасшедший бедный...*

**Жан-Артюр Рембо, «Офелия»,
перевод Бенедикта Лившица**

Длани Татьяны Борисовны — сны
о переправе на лодках из воска
чрез ожиданье пожаров лесных
к аэродромам и взлётным полоскам.

После бесчувствия жажданье чувств
виделось красным на мертвенно-белом.
Чудилось: камнем холодным качусь
по лабиринтам и дням обгорелым.

Нет, не почёт, — прыжок с парашютом
с вышки в ЦПКиО.
Рваньё, метанье от тягостных шуток
до лобызания рукавов.

Самосожженье — не противоядьё,
скорей отравление всех остальных.
Самовнушеньё. Надежда, что б..ди
на самоё же одолжат самих.

Пробы о сладостном плоде мечтать,
в юбке искусственной кожи хранимом.
Губы сухие портвейном лизать,
света и тени смотря пантомиму,

слыша слова, обречённые лгать,
молча выкраивать капсуль из мины
и понимать, понимать, понимать:
чаянье мимо и тщание мимо.

28 июня — 1 июля 1987

* * *

Искушения дня начались с десяти часов: ноги, головы, чёрные патлы. Птицы летели в небе почти и кувыркались, как акробаты.

Но бурей магнитной прижало к земле всех, исключая стражей порядка. Что мы искали в остывшей золе на перекопанных брюквенных грядках?

В реанимации и не пытались нас оградить от смертельной напасти. Кончилась детская радость. Остались хлопьев овсяных полные пасти.

* * *

ошеломление синего дня
пол-апельсина в стакане касторки
солнцестоянье сумело коньяк
выманить из кристаллической норки

соли соленья солеваренья
полупредчувствие будущей порки
в поле шагистика
около пня
пел генерал про лимонные корки

ружья и пальцы громите меня
взвейтесь кастратами синие очи
всё слишком длинно и можно ль короче
если бикфордов мой дух без огня

12 августа 1987

* * *

Меня повстречали Оля и Ляля,
заверещали они: «О-ля-ля!».
Меня не чая встретить, гуляли
они, скучая и тихо скуля.

Меня они крепко обლობызали
(ведь мы не виделись с февраля)
и, бросив в урну букет азалий,
который им подарил спекулянт,
мне описали свои страдания,
мол, тра-ля-ля и ещё тополя...
Беседа в пивном закончилась зале
попойкой на двадцать четыре рубля.

А потом мне добрые люди сказали,
что Оля — б..дь, да и Ляля — б..дь.
И как мне быть теперь, я не знаю:
смеяться или же — хохотать.

ЯВЬ

Сидящий у окна встаёт и молча смотрит,
как близится рассвет, как тормозит туман.
Стекло у жарких губ замутнено дыханьем.
Глаза следят за тем, кто движется во мгле.

Но это только тень. Хотевшие разжаться
и слово произнести, недвижимы уста.
Рассвет несёт росу. Ветр пробуждает ветви.
Рука устремлена. Ладонь её пуста.

* * *

О азиатская грация степи
зуд вертикальных домов в перепонках
голые головы голуби дети
оцепененье от радости звонкой

варикозное расширение ванн
слоуфокс проржавелого душа
грязные цепи весёлый диван
сделали меланхолической тушей

нет среди дворников места вендетте
все восемнадцать спасают котёнка
на трёхколёсном велосипеде
мчится к песочнице толстая тётка

всхлипы столетние чьей-то маман
стрелку барометра гнали от суши
к буре великой в чайный стакан
хватит ли спасителей на все невинные души

* * *

Весёлые дети бежали с горы¹
упали и насмерть разбились
а мы на автобусе мчались на ры-
жем «Икарусе» мимо катились

и нам было не продохнуть от жары
мы в окна смотрели и злились
весёлые дети бежали с горы
уж лучше бы не веселились

16 апреля 1987

¹ Авторское примечание: «Придумано в автобусе, записано недалеко от дома, на территории детского сада на "Каштане"». — Прим. ред.

* * *

Всё в ожидании сентября и налим
выставив рожу из вод утомлённо мигает

всё в ожидании сентября и дурак
пальцами лижет сапог в уценённых товарах

14 августа 1987

* * *

Товарищ детских игр
о пчеловод известный
ты мчишься в поездах
ты мнёшь лицо рукой
дебильный лейтенант
закусочный вэвэшник
сонливых часовых
охранничек лихой

ЭТИЛ — ЯД

Маршруты ускользящего взгляда
на потолок на пол на потолок
ты улыбаешься беззубая наядя
у рта парализован уголок

коктейль из спирта и обмана
в твоих глазах твоих словах
твоя душа как руки наркомана
усопшего в крови и синяках

ты удаляешься Милосская-вторая
о ядовитая наядя ноября
невеста ледяного самурая
завшивевшая крашенная прядь

* * *

Быть странным, быть больным,
быть чувствующим криво.
К конструкциям стальным
привить побеги сливы.

Забыть про гололёд,
помчаться на Шегарку,
оставить миномёт
у входа в кочегарку,

обкакать все штаны
и мести опасаться,
в пивную без жены
бояться показаться,

влезать на каланчу,
сигать с неё в сугробы,
заезжему врачу
исцеловать утробу,

в аптеке № 2
устроить синагогу,
забыть, где голова,
взывать к чужому богу,

быть странным, быть больным,
быть полным сострадания
легко мне. А каким
меня вы увидали?

* * *

Юре Фатееву

Родное яблоко червя
я съел кишечнику в подарок
несла по дождичку меня
шестёрка пьяных санитарок

чего-то праздновал народ
все пили спали и плясали
мне фельдшер процедил Урод
и брюхо распорол усами

какой там к дьяволу наркоз
какой в болото антисептик
новосибирский совнархоз
я видел надпись на кушетке

консервной банкою до дна
меня он вычистил трёхкратно
из фляги синего вина
налил в две чашки аккуратно

насытив дух очистив плоть
мы разошлись как в луже спички
лишь что-то в животе колоть
осталось слева по привычке

Осень 1987

* * *

Лечу ли? Падаю ли? Плюнут с колокольни?
В руках отпиленных остались небеса...

* * *

гадание растительного масла
на вогнутой руке сковороды
плиту драпировало в чёрный дым
горело ясно чтобы не погасло

голодному одно было неясно
куда девались сочные плоды
турнепса конопли и лебеды
в сковороде шипит полфунта мяса

зелёнка плещет в гущу бороды
валы девятые в кофейнике томятся
о хохочите ржите же паяцы
какой нагородил я ерунды

* * *

Ты смеёшься, горло заросшее брея,
бормоча, что Макаревич* совсем не то, что Гребенщиков*.
А я всё равно тебя добрее,
и лицо моё умнее за счёт очков.

* Внесён Минюстом Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

* Внесён Минюстом Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

* * *

Коты ушли но прилетели мухи
мужья колодцев, томные столбы
собратья добровольные сивухи
перековались молча на дубы

вот самоотречения для науки
учёный брось картофель и грибы
и подтянув сатиновые брюки
к Минлесбумпрому устремил мольбы

* * *

Взошла звезда над Иерусалимом
упала над Прокопьевском звезда

9 ноября 1987

* * *

Трупы животных спрессованы в колбасу
останки растений раскрошены в чай

* * *

Плоды помешательства и кривлянья —
массовое задувание ламп-
ад. На засиженной зверями поляне
я лежал, разгрызенный пополам.

Пять гиен распевали на скверном санскрите
о том, что не завидуют никому
на свете. Три шакала из отдела закрытий
изобретений из наволочек ели халву.

Серые туберкулёзные поселяне
эпилептически брейковали меж трёх
сосен, на каждой из которых «Шилялис»
вещал перестроечный трёп.

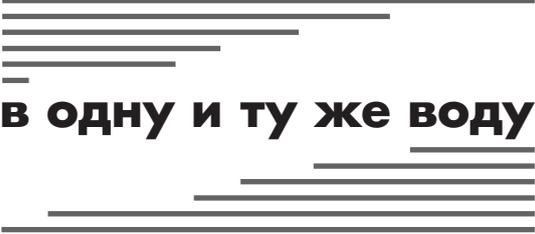
Части мои приходили в движенье:
ноги нагадили тайно в траве,
голова, не меняя лица выраженья,
ртом зажевала ягодки две.

Жизнь и вокруг, и около била ключами
разводными и бракосочетательными, и луна,
а может быть, солнце, костяными лучами
выжимали из пальцев моих мылонафт.

* * *

Живу только ради святого Слова
и перерабатываю в стихи всякую гадость.

Богу — богово, а козлу — козлово.
А вам, мои милые, чего надоть?

A decorative graphic consisting of several horizontal lines of varying lengths, some solid and some dashed, arranged in a stepped pattern around the title.

В одну и ту же воду

*Избранные стихи из сборников «РЕЖИМ "В"»,
«Айболит 666», из раздела «ANDY
("Чета Петровых мечет стог")»,
из машинописных сборников*

* * *

Когда людям хорошо — они собираются в стаи
и выпускают изо ртов ароматный дым.
Когда плохо —
вдыхают его обратно.

КАК БЫ ХОККУ

О, я, как Христофор, в одну и ту же воду,
не знаю, сколько в прошлом, сколько в будущем,
и плечи затекли, и руки, и отравлена вода.

29 января 1990

СТИХИ АНЖЕЛЕ из сумасшедшего дома

1.

Золотые звёзды падают с неба
в твои тёплые ладони
оставляя на них
маленькие светящиеся блёстки

Знаешь что это?
Это мои поцелуи
которые я не успел дать тебе
мой ангел
за весь этот короткий и длинный
срок

2.

Ангел мой
я не верю
что ты ушла навсегда
поверить в это — равносильно смерти

Тебе нужно немного покоя
и одиночества
и ты сможешь вернуться ко мне
как Подруга, как Невеста
или как Прекрасная Дама

3.

Эти вечера никогда не забыть:
тополя за окном,
твои руки, разливающие чай,
тихая молитва
о ниспослании сил,
нерушимость, незыблемость
хрупкого мира
и нашей усталой любви

4.

Двое суток лекарственного сна
убили мою тоску почти целиком.
Этим вечером, после встречи с тобой,
после того, как ты держала меня за руку
и гладила,
как ребёнка, по голове,
я всего лишь печален.
Я совершенно один
в коридоре больницы,
и я пишу эти строки тебе,
и я надеюсь, ты слышишь
мой тихий голос,
сидя на другой окраине города,
работая, или читая,
или находясь в размышлениях
обо всех несчастьях и счастьях,
что посланы нам
не знаю зачем...

5.

В мыслях о тебе
день скончался.
Твои нежные губы
пили сегодня поданный мною чай.
Твои мягкие руки
держали стаканчик с чаем
и гладили мои руки.
Твои глаза
спокойно и радостно
глядели в бездонную зелень
моих глаз,
наполненных до краёв
любовью к тебе.

6.

Ночь пришла.
Ты не спишь ещё, вероятно.
Я думаю о тебе
в миллионный раз.
И думаю, что с тобою я пережил,
может быть, самые счастливые
и самые трагические моменты
в жизни.
И как же мне
не горевать и не плакать,
когда тебе плохо,
ты не знаешь, чего ты хочешь,
говоришь, что не хочешь ничего,
и страдаешь
отражёнными от меня страданиями
о тебе,
и ещё разные муки несёшь на себе,
как крест на Голгофу?

7.

Милая, не плачь, хорошо?
Я вылечу свою душу,
и я спасу тебя.
Бог даст нам силы,
если мы от Бога.
Даже если эти силы
нужны для того,
чтоб всего лишь
расстаться живыми...

8.

Две пачки сигарет
в моей потрёпанной сумке,
свежий воздух Соснового Бора,
лекарственная пустота
в моей голове
и никчёмный жар сердца
разделяют нас.

Я хочу позвонить тебе,
но не знаю, что сказать
в эти провода,
протянувшиеся через весь город...

Не надо бояться!
Освобождение от страха —
крах болезни.

Только кто же
вылечит нас от любви?..

9.

Мне стало лучше.
Вероятно, ты за меня помолилась.
Спасибо тебе,
ангел мой.
Сегодня я отправил
открытку тебе.
Не помню, что я там написал,
но надеюсь —
не очень грустное.
Молись обо мне ещё!
Вся надежда моя —
на тебя и на Бога...
Впрочем,
и на себя тоже:
это отчётливо понимаешь
в больничном уединении.
Я люблю тебя.
Да будет свет!

10.

Вероятно завтра
меня отпустят
смогу увидеть
тебя
ангел мой
Надеюсь быть спокойным
надеюсь утешить тебя
чем-нибудь
надеюсь надеюсь

Чувствую себя лучше
собраннее

успокоеннее
Думаю о тебе
светло
Господь с тобой
милая

Рифмы

Смешные ночи набекрень
Какие стылые подъезды!
Сквозь ароматы удобрений
бреду растерянный и нежный

И сердцем обожжённым жалким
великим и могучим сразу
через глухие полустанки
я пробираюсь до вокзала

Я хохочу во весь опор
подстерегла меня надежда
я узел жизни так заплёл
Не поднимайте мои вежды

11.

Покой деревьев незыблем
Ветер воздуха неразличим
Дым моей сигареты
В небе два облака
Одно ниже
В сердце поёт любовь
не даёт успокоиться
Светлый непокой
Надежда надежд
Учусь у деревьев
быть стойким

Открытка

Я сегодня держал сигарету
в левой руке — это забавно.
А ещё мне сказали,
что мои часы с фосфорными цифрами —
радиоактивные,
и мне нужно их выбросить
или сдать в комиссионку.
Это мне забавным не показалось.

Психиатрическим вечером,
прочитав молитву на сон грядущий,
пишу эти строки
тебе,
мой ангел.

12.

Тихие слова щебетанье птиц
На верёвках бельё вчерашнее
намочил дождь ветер высушил

Лето покрыло безобразия почвы
цветами травой зеленью
Цвет боярышника — цвет надежды

Предчувствие счастья внутри
меня делает важную работу
когда бодрствую и когда сплю

Я позвал свою душу сегодня
она не ответила мне
она торит путь в будущее

с тобой

13.

Теперь легко об этом вспомнить —
как сосны пели о Вселенной.
Теперь легко забыть иное —
всю суету и жизни брэнность.
Теперь закон — любить одну лишь
тебя и радоваться миру.

14.

Затмение луны
Лунные сны
затемнённые тёмные
Синие трупики снов
может быть тропики
Детство жары
начинается утром
Жара-однодневка
вечером умирает
Завтра снова
подгоняема солнцем
зовёт меня
целовать твои руки

Теперешнее «Я»

Частичное невладение словами
языком то есть
зато вместо этого владение
твоим драгоценным голосом
в общественной телефонной трубке
владение собой
попытка владеть контролем над ситуацией
светлая любовь
к тебе

15.

Упали лепестки рябины
в синие цветы лета.
Один — ко мне на руку
так же, как мы когда-то
спланировали
друг другу в ладони.

16.

Лето порхает бабочкой
между дождями.
Ты ушла к Богу,
но твоя тень —
до сих пор на моём лице.

Свобода

Так девочка, накручивая локон
на пальчик, солнце пьёт, пьянея.

Так юноша, переболевший Блоком,
читает «Книгу мёртвых», цепenea.

5–20 июня 1991

ИЗ ЦИКЛА «ДВА НАОБОРОТ»

1.

Лепестки твоего сердца
закрылись июньским вечером
в ожидании чуда.

2.

Сердца твоего лепестки
раскрылись июньским утром
в предвкушении чуда.

17.

Слова и слова, ангел мой...
Есть ли почва под ними?
Нет, она выше их —
даже не здесь и сейчас,
в обители скорби,
где я знаком
только с двумя субъектами:
с моей любовью к тебе
и с собой.

Господи!
Дай сил и Тебя принять
в моё сердце!

18.

Что может сказать пустая моя голова
ожидающим откровений?
Она многое может сказать этим людям,
но молчание будет благоразумней.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Зализанными добела руками
горчащие как ветер раны плоти
И не сказав ни слова ты уходишь
Ветви птиц
Пожирающее желание жёлуди вепря
религиозные гимны мормонов пню
Ласки рефрижераторов комнаты света
День благодарения
Цветы и линии
Ты возвращаешься лишь для того
чтобы сказать
«Янтарный пруд и заводи. Камыш...».
Скользит лицо по ткани по пространству
Рука скользить устала
и указав на «влажно» замерла

9 апреля 1991

* * *

Дитя любви
я стал слабым
раздал всего себя
но никто не брал
если и взяли
засунули в комод
в сундук
на чердак сознания
Господи
дай собрать
всё обратно
всё воедино
стать собой
Дай жить
с Тобой в сердце

* * *

Из синих закоулков лета и полыни
в седые сумерки выходят три трамвая
из душных рек немого Петербурга
ты тянешь руки шепчешь мне Фонтанка

Ну хорошо ты там живёшь или жила неважно
а я воскресший труп Аполлинера
я Труш покойный с носом и очками
я замерзаю без твоих проклятий
и без лобзаний молчаливых робких

Будет подвечерьем вечер красный
снег застынет съёжится и синий
бурундук своё зерно в лицо тебе уронит

Ты пойдёшь путём прозрачных карт
ты знаешь где искать дороги обводные
ты летела над водохранилищами скорби
ты меня любила и сейчас ещё лелеешь

А раньше реи были тоньше было лето
и будет ещё два иль три сейчас не видно
а та другая при свечах сейчас невинна
прости ей чай и два сухих бисквита

Третью нашу боль мы больше не догоним
уехали на запад антиподы
что ж свобода нам осталась и каналы

по воде навстречу неге полетим
пока не сдохнем

21 января 1991

гений офигений

Стихи 1988–1989 годов

* * *

Евг. Сельцу

Отброшенное ночью одиночество
настигает утром в пустом флэту
Как раскрытая книга дыра в голове
Тешась привычной мечтой о суициде
слушаю рок-н-ролл
глядя на жёлтые этажи

Стены чужого дома в коврах и тарелках из ДСП

В общем мне хорошо и почти ничего не хочу
хуже было бы если б хотел и не мог

В коридорах дети играют в слонов
топая и предсмертно крича

17 мая 1989

* * *

Ромочке Позднякову

Ледяные плоскости лиловой ночи
балконами сопряжены с домами
ворота вниз квадратные лимоны окон
дита я неоправданно жесток
и я неправ да да я нелогичен
продукты съедены все руки в колбасе
все чрева банок в прахе икр кабацких
оправ Эйнштейн
мы все сидим но движемся к концу
и есть ещё вино припрятанное в чемодане
есть эта ночь и в этой ночи мы
гляди они убогие уходят
о вероятно чтобы вынуть чемодан
поставить Боуи и удивлённо гладить тело
они идут сквозь ночь пока мы пьём
братишки и сестрёнки трясь о воздух
им тоже весело ведь я их целовал
я с ними пил из горлышка бутылки
и вот они выходят из пустоты и тьмы
и зажигают свет в своих каморках
и я за них спокоен все там будем
мне их не жаль они ведь ничего не знают
не знают что всё кончено что всё
что всё уже и нет уже спасенья
и нет вина осталась только ночь
а кончится она и ничего не будет

19 мая 1989

ИЗ СБОРНИКА «РЕЖИМ "В"»

Посвящается Петру Гавриленко

*Я не знаю ничего. Что было? Что будет далее?
Знаю только, что встретились наши взоры вчера,
а сегодня уже мы держали друг друга за талии
и наши губы распустились, как веера.*

Рюрик Ивнев

Хорошо и нестрашно в лесу

Осип Мандельштам

* * *

ТЫ ВСЁ-ТАКИ ВЗОРВЁШЬСЯ, ТИШИНА!

* * *

Твой треугольник между равных бёдер
он низ и верх медоточивых дёсен
не постучав я не найду отказа
я капитаном зван на дебаркадер

о механизмы чудища речного
вы инвалютных стоите контрактов
взбираюсь на трубу с копчёным флагом
ремя часами по чугунным скобам

ты вся видна и весь твой немудрёный
купальный скарб — халат и полотенце
и зонтик синий с рыжею каёмкой
и белое пятно почти у сердца

ты смотришь на меня и против солнца
кажусь я вероятно Иисусом
я сам опешив от таких сравнений
закрыв глаза ныряю и плыву

туда где с красным белый дружен бакен
одежда растворилась в кислом море
теперь такой же я как ты но толку
сквозь толщу вод от этого ни капли

18 мая 1988

* * *

Шестнадцать раз часы пробили
а в Петропавловске-Камчатском
о Господи случилась полночь
стрела с стрелою совместились

на длинных деревянных башнях
из тайных кранов лился сумрак
за белой лилией охотник
упал достигнув абсолюта

реминисценции вы живы
вы до утра храните склянки
от посягательств разночинцев
с рассветом всем ожившим бьёте

взлелеивайте же лелейте
и вкус и запахи и чувства

лицо лупцуйте всем забывшим
о назначении искусства

21 мая 1988

* * *

у красного лебедя вышли из строя
турбина и пушка прицельного боя

21 мая 1988

* * *

Колючую проволоку «люблю»
я не смог проглотить
и теперь всё лицо твоё рана

о малодушие жертвы твои
неисчислимы внутри и снаружи

21 мая 1988

* * *

К счастью пошёл дождь
иначе я не ручался бы за себя
а так стало можно
спокойно стоять раскрыв рот

* * *

Головкин сказал:

— Зря ты выбрасываешь циклодол.
Накопи, заглоти целую горсть,
и поймает бесплатный кайф.

Я сказал:

— Да, ты прав, так я и сделаю.

Он долго ещё о чём-то говорил,
а мне хотелось сказать ему
одно большое ДА, лишь бы он замолчал.

21 мая 1988

* * *

Мимо объявлений огородных комиссий
мимо табличек карантин въезд и вход запрещён
мимо навозного ручья из свинарника
мимо могучих сосен по юной траве
шли мы и я сказал
я со вчерашнего вечера
борюсь с желаньем тебя целовать

борись дальше
ты ответила
и мы ещё долго гуляли
мимо зданий красного кирпича
мимо памятника Павлову «золотого»
мимо дверей коммуналок в башне
мимо молочного магазина
мимо бревенчатых зданий модерна
ты произнесла
что-то ты грустен я чувствую себя виноватой

а я не смел даже погладить тебя по голове
я хотел зарыдать но не стал ибо тщетно

* * *

Через ров текущий мутным ручьём
мы целовались на упавшей берёзе
высь была то небом то небом с дождём
мы друг друга поили амброзией

и нам не нужно было обижаться и злиться
просто так хорошо было вдвоём
картофелепосадочных людей вереницы
жгли костры и кричали о чём-то своём

а мы толковали о некоем боге
который не то есть не то нет
души томились в неясной тревоге
сильясь вырваться из словесных тенет

и не было ни вдохновения ни страсти
ни бога ни доброты ни тепла
мы целовались в объятиях потому что вместе
мы не могли себе позволить плакать

21 мая 1988

БУДЕМ КАК ЛЕННОН

С наступлением вечера пришла печаль
окна стали голубыми и тротуары
я неподвижно видел изнутри
идущих мимо радостных спокойных
я видел небо сидя у окна
совсем немного неба меж домами
какой-то голубь и ещё один
сквозь этот сектор молча пролетели

всё темнеющая атмосфера лелеяла грусть
недостижимость идеала лелеяла горечь
не мог я двинуться вослед тебе
догнать тебя и быть с тобой не мог

я понял нет гармонии для всех
невозможность всемирного счастья очевидна
но есть нечто более важное чем счастье
сказал Тарковский

я не верю в бога как покойный Андрей
и я знаю он мне не помощник увы
я никогда не смирюсь с тем что Леннон мёртв
и всё начавшееся имеет конец

30 апреля 1989

* * *

Я стану изобретателем, регистратором,
автором проекта герба, носителем судна.
Стану попечителем лепрозория, кардиналом.
Чёрное разойдётся, красное мелькнёт, и опять.

* * *

Пришли, раскинулись, а сыр во рту держали.
А за окном про Иванова верещали.
И выходило, что он — педераст.
Так там кричали. Я не виноват.
Хотя, я виноват уж в том...
Закрыв глаза, ловлю открытым ртом
последний аромат плодовых древ.
Так и сидеть останусь, умерев.

27 мая 1989

* * *

Сон старика отца тревожен
дети пришли поздно лгали прямо в лицо
автомобили после дождя ярче
сильное облегчение даёт покупка вина
аппликация наложение на основу
а когда просто в кучу всё то коллаж
долго курил задумчиво у окна
ничего не сказав лёг спать
он думал что как на троне извозчик
и её уже не юная грудь
кот живёт восемь лет в квартире
его маршрут изо дня в день
и всё-таки всё-таки я любил её
да не одну а двух или трёх
а сейчас ночь
и только шум ассенизационных машин
вплетается в тиканье часов да мой плач

Август 1989

* * *

Н.

Сон разума в чудовищных носках
ножного привода немилосердный гений
по черепице вод сквозь мельницы и страх
ведут меня текстиль и алюминий

по бредящим отравой лекарям
по дышащим отравой колесницам
из октября в отраву ноября
сквозь яд очей твоих которые мне снятся

звон фатума конвульсии тоска
привязанность к металлу близость ткани
сон разума в чудовищных носках
немилосердный гений офигений

30 октября 1989

* * *

Дяде Трушу

Кузены по оружию пламенем объаты
ну что ж зимой так может быть и лучше
не их но общее спасенье в новых гимнах
Антониони Пазолини Бертолуччи

Я вымыл чашки все в чайниках мелких
тарелки в испражнениях яйца
часов набриолиненные стрелки
к пятнадцати приблизились часам

Семь всадников таращатся в скрижали
сквозь пену крови на глазах и слёзы
для этого ли с жизнью воевали
Как хороши как свежи они были

12 декабря 1989

* * *

И выходят и видят он в белом венчике
срёт какую-то свёклой
фонарные знаки загадочны ночь безнадежна
рухнуло всё заходят обратно пьют позабыв про рассвет
сон бездыханных супругов о кислородной подушке
дикий храп ребёнка погасил зеркала
четыре горящих окна четыре летящие птицы
вот сейчас перерезать вены залить всю страницу

27 августа 1989

* * *

Всё более нервен
всё более болен
я выбелен лесом
и высушен полем

всё более желчен
всё более зол я
не знаю откуда
приидёт спасенье

3 июня 1988

* * *

Возьми меня в член
я буду в длину
Стоит руки убрать — река не стала
санаторий туберкулёзный в огнях
синее отброшено покрывало
одни в темноте мы
в небе Аллах

Плесни мне цикорию имени Молотова
милый мой Дед Матрос
поцелуемся дай
пересохло во рту моём олово
морс клубничный
твой сок
плиточный чай

Ослепление Лолита мёд лета
бездна прозрения
непрерывная линия пять километров
по коже твоей

Боже Боже
дай мне терпения
ещё хотя бы несколько дней

25–29 ноября 1989

* * *

Этот зимний февральский день
был весенним и синим
несмотря на то что из Омска пришёл мороз
Я кроссовки сменил на новые мокасины
чтоб не случился в ногах ледяной звонкий нарост

Свет разлился ещё до полудня прозрачный и лёгкий
к Сосновому Бору уносился с Бетонного дым
Вопреки на завтрак варёной селёдке
всё внутри было бурлящим и голубым

Радость нечаянная лёгкости моей причина
я выдохнул из дому как из меня пар
я чувствую как прорастает перьями тулупа овчина
сейчас полечу

11 февраля 1989

* * *

Льву Николаевичу Гумилёву

Тише, тише, и чем тише, тем больше драйву,
тем больше несущих поверхностей, летящих конструкций,
гуще проникновения скальпеля в стенки сердца,
сильнее визг кирпичей, но тише, тише,
тише и больше синкопированных пауз,
больше фиолетового и лилового, больше
запас хода по шоссе, понятнее алфавит
к номенклатуре сухогрузов, общесоюзный
классификатор профессий рабочих,
должностей служащих и тарифных разрядов...
Эх, «когда б вы знали, из какого сора», —
когда б ты знала, Донна Анна, что твой сын —
создатель Новой Библии, и он, и мы —
все живы — Боже мой!..

НАКОРМЛЕННЫЙ РЫБОЙ, ОБЪЯТЫЙ МОРФЕЕМ

Её следы её ног снег скрасил
её тень размыл дождь грязь стёрла
её губы смыл с лица моего алкоголь
она вся лишь внутри меня и навечно
Я пришедший пьяным ушёл чуть живой
свет безумных дней нормирован выжат
поезд прибыл что ж ты встречай
как это нет ищи-свищи лучше
Сказанные прошёптанные отольются ещё
подставляй и радуйся шире
скалься на фотографии ВЕЙ ВЕТЕРОК
изукрашенный встанешь бумажно-белый
Ни один звук не спасёт но хочешь
даже можешь химический яд есть
но не можешь и уши стынут и ноги
голова давно уж дерево пемза
Хозяин кругов льда соглядатай
через слюду прозорца окуляра стеклярус
через жир неслышное сердце трупа
через время не выпадешь
стой где вкопан

24 ноября 1989

* * *

Скрестивши пальцы в чёртовы ворота мимо —
— ночь — угадываемых строек
купивший «Вежливый отказ». реалии пусть будут.
живущий в этом мире. крест не сбросишь.
абрикотиновые спирту восемнадцать
ликёро-водочные больше больше больше
учиться и учиться. нет напрасно
не отторгай. и облак вереница над зелёным полем
гололёд напрасен. плата за вчерашний дождь
я думал месяц кончился. товарищ день добавил
спасибо добрую услугу не забуду.
из ничего впорхнувший в мирозданье
пичугой нежною отвергнутый иссохший
нет мокрый стриженный укутанный на санках.
в том феврале ты помнишь мать ребёнка
пришёл и ветвь сосны поставил в вазу
её тогда я спас из-под сугроба
чтобы восточный новый год украсить.
я прижимаюсь ночью к мёртвым доскам
хочу услышать отголоски соков
слышу лёд подземных минералов. песни мёртвых.
а там гораздо выше душа покинутая плачет
её я знаю имя

30 октября 1989

* * *

Жуя безвкусный помидор
гарцуя в сказочном халате
ты покоряешь коридор
семейства будущего матерь

Горит карбид твоих ланит
дрожит тяжёлый жир фасада
во рту где жёлтый зуб блестит
царит молочная прохлада

Август 1988

* * *

Светке, жене моей

Вегетарианский завтрак Левиафана
нечто жаренное на костре
почти у самой реки отгороженной дамбой
ранним утром он мокр от росы

Два тополя вместе один поодаль и ива
вчера он плакал придя и увидя
после наверное трёх лет путешествий
вдали от родины наедине с собой

Как осторожное животное предложенную чужими еду
он эти дощатые домики вокруг
закуривая отложенный для сего дня «Казбек»
щуря уже сухой внимательный глаз

Спокойствие наконец настало Да
одно завершилось другое может начнётся
Ровно половина папиросы на потом
угли затоптаны солнце взошло
Вперёд

27 февраля 1989

* * *

Тане Олеар

Это пришло. Это круче, чем рыба в перчатках.
Торжество безумия.
Поливальная машина после ночного сентябрьского
дождя.
Триумф зла.
А ты там, где ветер,
в зелёных ли ты штанах или чёрных?
Сердце моё, вырванное и брошенное в Неву...
Как же я без тебя?
Вот так. Иногда даже смеюсь.
Сегодня ходил в кино.
В промозглом зале умер Иван Ильич.
Мы вышли, дрожа, в холодный вечер,
Дрожа закурили, дрожа разошлись –
Куртуков, Филимонов, Ромочка, Ленка, я.
А тебя давно уже нет.
Полтора месяца.
Не спасает ни бред, ни алкоголь. Сон не идёт.
Был недавно в Новосибирске
и сквозь пиво и спирт
помнил помнил тебя
мой маленький далёкий малыш.

19 сентября 1989

* * *

Т. О.

Снег летит, вздуваемый, мучимый ветром.
Заполнил воздух между травой
и бывшими листьями.
Заполнил воздух
между далёкой тобой, несуществующим мной.
Я проснулся у Куртукова,
стою и курю у окна.
Мне снился город Игарка, пароходы и Енисей.
Вечером завёл музыку наугад —
«Иисус Христос — суперзвезда» —
ещё одно мучительное напоминание о тебе.
Я боюсь написать тебе письмо:
ты не ответишь — я знаю, как умереть.
На столе бутылки из-под венгерского рислинга.
Филимонов читает про зороастрийцев.
Ты сумасшедшая. Мне, психу, от этого легче?
Снежный ветер качает лысые ветви берёзы.
Зима пришла в новосибирский Академгородок.
Я больше никого не хочу любить, кроме тебя.
Пусть мне от этого будет хуже.
Тем хуже, чем непонятнее я говорю.
Навсегда.

22 октября — 23 ноября 1989, Н-ск — Томск

* * *

Небесному сопрано подражая
а я поверишь никогда не слышал
дитя закутано случится ли спасенье
тоски бессмысленное недержанье

в окопах лунным светом освещённых
продлиться может вечность прозябанье
и никогда наверно не услышу
быстрее выльется и уничтожит щёлочь

* * *

Т. О.

Ты будешь идти, вода будет плескаться.
Будут проплывать рыбы и катера.
И ты не вспомнишь сухие мои губы
и ту холодную, страшную июньскую ночь.

А я буду помнить всё, недвижимый,
среди чужих помещений острых углов.
Девочка за стеной проснётся, заплачет.
Я разозлюсь на неё, забуду тебя и усну.

Но во сне ты всё равно мне приснишься.
Проснусь и стану думать — зачем.
И успокоюсь тем, что ты помнишь
и губы мои, и май, и июнь.

28 октября 1989

* * *

Кажется, уже для меня самого не значит
ничего это лицо — да полно! — твоё ли?

Чудом уцелевшее фото, талоны на алкоголь...
В утреннем рассвете оплывшие лица,
плывущие в автобусе навстречу светофору.
Так изо дня в день. Но я — случайно.
Хотя не завести ли обычай? Впрочем, брежу.
В тихой комнате чай, с вареньем.

«Как ты похудел».

Её уже нет в живых и ничего не поправишь.
Не умею молиться за спасение души,
не знаю чувашского языка.
В светлой комнате — ты, маленькая, больная.
Мать отца. Чудом не пустой звук.
«Сходи в погреб». Снег ещё непривычен.
Холодно, сыро стриженной голове.

Я хотел написать о любимой девушке,
вышло, Клавдия Матвеевна, о тебе.
Что ж, ты тоже была у меня.

26 октября 1989

СТИХИ БЕЗ НАЗВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ

Тане Олеар

1.

Собаки выли ещё и ещё
ночь расправилась с большинством авто
о твоё лицо твои глаза!
мои слабые слова в бездну тебя
моя маленькая я так один
так темно и бессилие света
лишь подчёркивает симпатической тушью
твоё лицо твои глаза
слияние трансцендентных соприкосновений
моя любовь это вещь в себе
на сей раз более нежданная чем всегда
более пронзительная
от амплитуды близостей и разлук
более безжалостная более безнадёжная
О эти псы!
о значении слов составлены словари
я давно так не говорил о любви
и я знаю — это мне нужно
и кое-что это меняет
Опустошённый равнодушным временем
я снова наполнен
на сей раз тобой
малыш

2.

Моя агония стала огнём
но каким-то ацетиленовым
может быть сейчас ты едешь в автобусе
а я вижу его откуда-нибудь
и в этот вечер всё более поздний
разгорается всё сильнее во мне звезда

унесённый на край сознания
глядящий вдаль
сквозь оранжереи и черёмуху и яблони
я сейчас ни жив и ни мёртв
я боюсь всего
и оставшись один
наедине с музыкой книгами и собой
я с удивлением понимаю
что люблю тебя
и молчание отворяет двери в мой сон

3.

Мои мысли — это их слова,
это мои слова. Которые придумал не я,
а я — это чья-то любовь к тебе,
я — это любовь, и к тебе именно.

4.

Томление духа пришло с горних
высот, помutilo пречистый разум.
Неожиданная любовь резче криков
б..дей, которых факеры щиплют в зад.

Время ползло через рельсы, разрублено
шлагбаумом надвое. Траур пять дён.

Будто в солнечный день иду вдоль реки,
снится мне, и встречаю тебя.

Твои глаза — как день, как река.
Как я. А я-то как раз не я уже.
Что не мешает ночью лежать
и писать это, совсем одному.

Лето настало, и оно впереди ещё.
Только это я знаю пока о нас.
Обнимая необъятное, я засыпаю,
и этот безумный сон — любовь к тебе.

6.

Я отравлен таблетками, отравлен газом.
Что-то оставшееся заходит за разум.
Я живу в чужом доме. Под окном собаки.
В коридоре дети, на улице драки.

У меня не то уретрит, не то гонорея.
Ах, узнать бы, узнать скорее!
Из словесной шелухи составляю книги.
Кто их будет читать, какие ханыги?

Дурацкие вопросы — моя стихия.
За окнами тополя выгнули выи.
За горизонтом где-то жёны и дети,
а я люблю Таню Олеар больше всех на свете.

Жить, наверное, мне недолго осталось:
в голове муть, в глазах усталость.
Сiju и слушаю Рави Шанкара...
Харе Кришна, раз живём, в натуре, Харе Рама!!

7.

робко прячущий своё жирное тело в утёсах тебя
я
передвигавшийся вдоль старых деревянных
заборов последних пристанищ
ненужных предвыборных листовок
уже
а на улице за неподвижными стёклами
уносимые ветром расцветшие отцветающие
неспособные к цвету детища Флоры
ах
завершение этого летнего дня наступление ледника
чёрная кровь Мика Джаггера спрессована в музыку
наша красная кровь нагреваясь бежит всё быстрее
быстрее
успевая немного остыть лишь тогда когда этим там
за окном надоело темнить

8.

Ветер надул бурю и дождь,
но не кончился всё равно.
Солнце бликует на бешеных листьях.
Я выхожу на девятьсот пятом,
и всё у меня впереди —
до магазина «Мелодия» половина жизни.

Мне не холодно в обрезанных до колен
джинсах и тужурке х/б.
Голова вентилируется, и думается легко.
Я захожу туда и сюда, наблюдаю то и сё,
но как документальный фильм,
хотя едва не вышел из равновесия, когда били дитя...

И это нравится мне — двигаться
вперёд, не задерживаясь нигде,
быть свободным, получая бесплатные удовольствия,
зная, что вечером увижу твоё дорогое лицо.

9.

Главное — твёрдо решить, что жизнь кончена,
и тогда наступает полный привет.
Тогда каждый день ощущаешь как бы последним днём
и радуешься ему как дитя,
ибо это недопустимая роскошь —
горевать и убиваться в последний день.
Пусть даже и о себе.

10.

То есть жизнь-то, конечно,
не то чтобы кончилась,
но покончено с ожиданиями от неё.
И не всё, конечно же, в кайф,
даже иногда многое не.
Но надо как-то, сохраняя спокойствие,
быть готовым к почти всему
и, по возможности, не винить
ни в чём никого —
так сейчас кажется мне.

11.

Облака к вечеру — что за прелесть!
А я шёл к тебе и знал — тебя нет или
ты не откроешь, потому что зачем —
ты не знаешь к тому же, не знаешь,
что нынче магнитная буря, малыш.

И, предчувствуя, я не нарвал листьев смородины,
чтоб скрасить их ароматом наш плиточный чай.
Я не нарвал, и это спасло их от участи
быть брошенными в траву.
Но не уберегло меня от мыслей, ненужных мне,
от ненужных терзаний, ненужных, ибо
между нами всё ясно ведь, конечно, да?!

21 мая — 10 июня 1989

* * *

*А. Филимонову**

На следующей нам выходить из этого автобуса.
А пока посмотри на сию славянку лет под тридцать:
узкое лицо, аппетитные губы,
обречённый взгляд не слишком выразительных глаз.
Руки её — посмотри, какие длинные пальцы.
Пока ты не вошёл, она разглядывала зачётную книжку
(такая немолодая студентка),
а теперь пробует новый замочек. Чёрный.

Давай, пожалуй, проедем ещё пару остановок.
Ведь мы не спешим?

10 июня 1989

СОАВТОР СЕМИ ЧУДЕС

Большая часть публикаций антологии «Уйти. Остаться. Жить» и «авторской» книжной серии мемориального проекта¹ посвящена поэтам, чей уход из жизни так или иначе пришёлся на конец XX столетия. По сути, всех этих авторов объединяет ощущение приближающегося *fine de siècle*, предчувствие экзистенциальной границы эпох. Стояние на этой границе обнаруживает зыбкость пространства, неустойчивость любых опор и связанную с этим тревожность человеческого сознания, деформацию речи, на каком-то этапе её гибель, и реинкарнацию в ней звучания голосов из прошлого.

*Я помню, как горел шпалопропиточный завод.
Пожар осени соперничал со вспышками дизентерии*

(Макс Батури́н)

Поэт Макс Батури́н был интеллектуалом, выпускником томского университета, журналистом, участником политических шоу, а во второй половине 90-х — ещё и бизнесменом. Он хорошо знал рок-культуру, любил «Роллинг стоунз» (хотя кто из рождённых в 60–70-е их не любил?) и иногда даже подписывался как «Макс Satisfaction Батури́н». На его тексты писали песни известные рок-исполнители. При жизни у Батури́на вы-

¹ Книги Владимира Полетаева, Михаила Фельдмана, Алексея Сомова, Гоши Буренина, Леонида Шевченко вышли в книжной серии «Поэты литературных чтений "Они ушли. Они остались"». Начиная с 2024 года серия называется «Поэты антологии "Уйти. Остаться. Жить"». — Прим. ред.

шла одна поэтическая книга («Сказано вам русским языком!», 1994), ещё одна — вышла посмертно («Стихотворения», 1997). Друзья считали Батурина гением и настоящим поэтом, критики считали, что он «лелеет образ литературного хулигана»², но сам себя он определял как «чистой воды рок-н-ролльщик»³. Был ли Батурин и в самом деле представителем сибирской рок-культуры или это была только одна из ипостасей поэта, одна из ступеней на его пути по обретению собственного голоса? Следует ли безоговорочно верить тому самоопределению, которое поэт подаёт вам в декларативной форме?

Возможно, да.

«Человек, занимающийся роком, постигает жизнь, но не через утверждение, а через разрушение, через смерть»⁴, — заявлял Егор Летов в 1988 году, а рок-публицист Артемий Троицкий⁵ говорил так: «Тотальная несвобода и тотальная неправда — вот что мы чувствовали в годы зарождения и бурного подъёма советского рока. И именно об этом в советском роке шла речь»⁶. Татьяна Кожевникова, изучавшая русский рок, в своей работе «Изучение русской рок-поэзии по принципу содержательного единства» высказывает мысль, объединяющую эти две идеи: с одной стороны, русский рок отражает сознание свободного человека в несвободном мире, а с другой — «поэзия русского рока преодолевает постмодернистскую литературу с её категориями игры, “смерти автора”, бессмысленно-

² Цылёва О. О поэте Максе Батурине спустя 15 лет после его смерти // Томские новости, 27.04.2012. Цит. по: <https://tomsk-novosti.ru/span-class-h1name-ol-ga-tsy-leva-span-br-o-poe-te-makse-baturine-cherez-15-let-posle-ego-smerti/>

³ Цит. по: <https://maxbaturin.com/>

⁴ Летов Е. Одиночки опаснее для социума, чем целое движение... // Ур-Лайт, № 5(23), 1988. Цит. по: <https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981849.html?ysclid=ll4abfxm7k685719604>

⁵ Внесён Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

⁶ Троицкий А*. Искусство и свобода // Литературная газета, 10.01.1990. Цит. по: <https://www.beatles.ru/books/paper.asp?id=2469&ysclid=ll4ahgnyz870459490>

сти и “зацикленности” человеческого бытия»⁷. Кожевникова выделяет в рок-поэзии два основных творческих метода: метод деконструкции, который направлен на разрушение шаблонов, существующих в идеологизированном сознании, и метод так называемого «смысловывляющего текста», когда посредством поэтизации обыденности в тексте создаются дополнительные измерения, явления и загадки. На мой взгляд, именно этот способ проявления языка в «смысловывляющем тексте» и есть свойство поэзии вообще, а не только один из приёмов создания текста, способного лечь в основу рок-композиции. Именно из бытового «сора» поэт создаёт новый мир, который особенно нужен, если

*быт наш безнадёжно налажен
и переполнен острями ножа.*

У французского исследователя литературы Анри Мешонника есть любопытное высказывание о задаче поэзии: «Первая задача поэзии состоит в том, чтобы не оказаться в дураках. В дураках у речи, у готового видения и готовой мысли, готового чувства и готового слова. С поэтической точки зрения, всё готовое нужно оставить эпохе, её рекламщикам-рифмоплёткам, её психоаналитикам»⁸. Этот самый отказ от «готового чувства и слова» в 70–80-х годах в Советском Союзе происходит в том числе и в среде зарождающегося русского рока. Возникает потребность в текстах для песен и музыкальных композиций, и мы хорошо знаем, что многие молодые поэты того времени как раз и писали песни, в которых поначалу всё ещё сохраняется «мы-риторика», глубоко въевшаяся в мышление советского человека. Пример тому — ставшая неофициальным гимном песня Виктора Цоя «Мы ждём перемен».

⁷ Кожевникова Т. Изучение русской рок-поэзии по принципу содержательного единства. Цит. по: https://studopedia.ru/22_77565_izuchenie-russkoy-rok-poezii-po-printsipu-soderzhatelnogo-edinstva.html?ysclid=ll4anjvju186295831

⁸ Мешонник А. Рифма и жизнь / Пер. с фр. Ю. Маричик-Сьоли. — М.: ОГИ, 2014. — С. 191.

На определённом этапе существования рок-поэзия показала, что «мы-риторика» рано или поздно приводит в тупик; на изломе эпохи попытки объединения, объективизации реальности за счёт формирования неких сообществ она ведёт к неминуемой смерти поэтической составляющей. Поэзия в «мы-риторике» может существовать очень недолго. Укореняясь в объективизации, она обречена на провал. Именно об этом Теодор Адорно писал: «Когда реальность превосходит все средства, служащие её наименованию, к ней можно подойти только окольными путями с помощью отсветов, порождённых ею в каком-либо субъекте»⁹. Поэзию Макса Батурина я воспринимаю как такой отсвет, возникший в период «безвременья», — в последние годы существования советской империи и первые годы топтания страны на распутье.

Пожалуй, любой талантливый поэт, чья молодость пришлась на 80–90-е, никак не мог обойти стороной рок-культуру. Особенно — живя в период, когда андеграунд в молодёжной среде пускал всё новые и новые ростки, когда стремление молодых к свободному самовыражению начало принимать всё более внушительный масштаб, а университетская гуманитарная среда, которая во все времена была центром фрондёрства, на закате существования Советского Союза также благоприятствовала возникновению всё новых форм выражения стремления к свободе и «переменам». Нужно упомянуть, что Макс Батурин осознанно поступил в университет на истфак и в подростковом возрасте серьёзно интересовался экономической и политической географией, пытаясь для себя объяснить законы существования и развития общества. Неравнодушие к стране и эпохе, в которой довелось родиться, и ответственность за своё поколение способствуют тому, чтобы поэт на каком-то этапе начал

⁹ *Milosz Cz. Temoignage de la poesie.* — Paris (France): Presses Universitaires de France, 1987. — P. 124.

с закономерной периодичностью отождествлять себя и с эпохой, и с поколением — и формировать «мы-высказывания»:

*С жиру мы, с жиру мы пухнем...
Станет нам пухом вода.*

На стихи Батурина писали музыку Николай Федяев (группа «Волосы»), Глеб Успенский («Будни лепрозория»), Юлий Буркин. В Сети сохранились как записи песен, написанных Батуриным (например, запись группы «Волосы» и Ника Федяева «В детстве они читали Гайдара»), так и его собственное исполнение известных рок-композиций (например, песни Джона Фогерти *Have you ever seen the rain*). Сейчас искушённому зрителю может показаться, что исполнение не отличается особенной харизматичностью; поэт поёт, подглядывая в бумажку, — похоже, он иногда забывает слова. Тем, кто был молод в восьмидесятые, слова исполняемых песен были, конечно, нужны (о, эти тетрадки, исписанные английскими транслитерированными словами!), но главное было не в словах, а между ними. Главное — звук и напор, рвущаяся наружу острая потребность в высказывании. Исполнение Батурина, неидеальное и эмоциональное, пожалуй, было попыткой почувствовать, как может звучать слово, не просто помещённое в поток музыки, но и разделённое особым зарядом энергии. Выйти на сцену и спеть рок — это способ поэта почувствовать зал, требующий подпитки исключительно от источника «мы-риторики».

ДАВАЙТЕ!!!

*Трубите в трубы злости, стервецы,
Ревмя ревите, антиэстетисты!
Отнюдь мы в этом мире не статисты,
Мы — бытия реального отцы.
Кисейность — прочь, в ней тление и смерть!
Сминая кружева в ладонях потных,
Раздвиньте занавес пред мерзостью и рвотой
Реальности. Давайте это сметь!*

Батурин открывает этим текстом публикацию своего выдуманного персонажа Макса Бурлюка в студенческом альманахе («Альманах "А la поватые страницы"»), который выпускал с Евгением Шестаковым (выступавшим под псевдонимом Карл Тойфель). Текст входит в подборку под названием «Аэровтика» (стихи, поэма, «Опус № 3», октябрь — январь 1985–1986), весьма показательную для батуринского альтер эго, хулигана, бунтаря и постфутуриста Макса Бурлюка. Вторым текстом в этой подборке стало ёрническое стихотворение, в котором каламбур соседствует с явным и очень жёстким оппозиционным выпадом по отношению к действующему (всё ещё действующему) политическому режиму.

ИХ НРАВЫ

*На впалой груди пожилого муниста
Звенели из старых червонцев мониста*

Любопытно, что кроме стихотворения «Их нравы», которое можно найти только в «А la поватых страницах», у Батурина существует ещё одно стихотворение со схожим названием — «Их гимн». Его адресатом стали представители совсем другой культуры:

*Долой Моцарта, долой фанки,
мы панки!
Наша музыка вам не в жилу?
Лопайтесь с жиру!
Не нужны нам лиры и франки —
мы панки.*

Оборотом «Лопайтесь с жиру» в этом тексте, вероятнее всего, поэт откликнулся на текст Владимира Маяковского «Нате!» («Вытечет по человеку ваш обрюзгший жир...»). Также влияние Маяковского проглядывает в стихотворении «Вам!», написанном в январе 1986 года:

*Если бы я не был стеснён рамками жанра,
я мигом довёл бы вас до икоты...*

<...>

*Вы ссохлись бы от моего душевного жара
и промокли бы от пота, прыгая по буквам
раскалённых строк, вы подверглись бы этим мукам...*

Что характерно, «вы» и «они» для Батурина — это не только представители советской и постсоветской номенклатуры, уже почти сброшенные с корабля. Это ещё и любая толпа, даже толпа людей, стремящихся к свободе. Батурин понимает, что «они» и «мы» — это иногда одно и то же, и для него существует только «я», в крайнем случае — «ты».

*Хочется выглядеть жалостно-безобразным,
ну хотя бы прокажённым или юродивым,
мямлить беззубым ртом какие-то мягкие согласные
и истово креститься на церковь вроде бы,
влачиться, как сломанный драндулет, по трущобам
и вымогать копейку, экспонируя, как тело нарываает.
И вы, признайтесь, тоже хотите? Ещё бы!!!
Просто каждый это в глубине сиреневых кишок
скрывает...*

Как в обществе добропорядочных граждан, так и в обособленной среде группы, противопоставляющей себя добропорядочным гражданам, — поэт в любом обществе всегда будет ощущать себя юродивым; к этому образу Батурин приходит в середине восьмидесятых. Для обычных людей он слишком «Джаггер», для панков он слишком «Моцарт», а для рокеров, пожалуй, слишком «будетлянин», слишком «футурист».

Батурин тем не менее в каждом из стихов с «мы-» и «они-» риторикой проходит по тонкой грани (по «узкому месту», этот образ позже появится в его стихах). Он хорошо чувствует близость к чужой поэтике, но никогда в неё не скатывается: ему удаётся буквально пройти по краю и сохранить собственное звучание, а не сделаться эпигоном того же Маяковского. Во-первых и в-главных, он уходит от романтической риторики и преобразовывает её в иронию и в самоиронию. Вот такое,

например, у поэта отношение к себе и своему лирическому герою:

*о хохочите ржите же паяцы
какой нагородил я ерунды*

Или:

*Живу только ради святого Слова
и перерабатываю в стихи всякую гадость.*

То же самое происходит и с частичным присвоением отдельных приёмов поэтики обэриутов; многие стихи Батурина абсурдны, графичны, страшны либо страшно-смешны:

ЭКЗЕКУЦИЯ

*Я посетил гнездовья тараканов
за холодильником, где пыль и паутина.
Рукою щедрой дустом из стакана
я их засыпал...
Грустная картина!*

«Куртуазный маньеризм» для Батурина — такая же игра, такой же перформанс, произведённый в рамках текста.

*Он возлежал, она сидела,
они валяли дурака,
она задумчиво храпела,
он поглощён был воскуреньем табака.*

Игровое начало присутствовало и в стихах Батурина, и в его жизни. Друзья неоднократно упоминают о его участии во всевозможных «акциях», или перформансах, как бы это назвали современные ценители искусства. В 1989–90 гг. таких перформансов, по свидетельству очевидцев, было особенно много: и поджог трамвая на дне рождения Фрэнка Заппы в Академгородке, и два ведра пива, принесённые Батуриным ко вхо-

ду в Художественный музей во время выставки ленинградских художников-авангардистов, и спектакль «Стремление к нулю» (вместе с Андреем Филимоновым*), и весёлый дебош с разгромом выставки в кинотеатре «Октябрь» перед несостоявшимся эфиром выступления «Общества левых поэтов» (Макс Батулин, Андрей Филимонов*, Николай Лисицын). Эти перформансы заканчиваются к середине девяностых, когда, с одной стороны, российская прогрессивная общественность уже начинает привыкать к такому виду искусства, как перформанс, и последний для публики уже не выглядит так шокирующе. С другой стороны, поколение, рождённое в 60-х, просто-напросто взрослеет; в тридцатилетних художниках, взявших на себя роль летописцев и отражений молодой эпохи, медленно и незаметно накапливается болезненный груз усталости от шумных представлений и вообще от «мы-» и «они-риторики».

*нежданно неожиданно болезненно
оглохла музыка сломался итальянец*

II.

Опять воспою трафаретные муки...
Рюрик Ивнев

Альманах «А la поватые страницы» Батулин выпускал несколько лет; по воспоминаниям друзей, всего вышло семь или восемь номеров, причём в каждом номере редакторы публиковали не только стихи молодых авторов из студенческой среды, но и обзорные информационно-аналитические очерки о поэтах прошлого, чьи тексты, по всей вероятности, были близки и интересны Батулину как поэту и редактору.

В написанных для «А la поватых страниц» текстах-предисловиях, предваряющих подборки «патриархов», Батулин пробует себя в роли просветителя-исследователя и очеркиста. Исследователя — потому что в те доинтернетные времена не так-то просто было найти информацию, к примеру, о том же Рюрике Ивневеве. Друзья поэта вспоминают, что он имел доступ в библи-

отечный спецхран. Там он проводил довольно много времени, переписывал в блокнот стихи и биографические материалы, а потом уже, дома, самостоятельно перепечатывал тексты на пишущей машинке и перерабатывал их в очерки.

Аналитическая составляющая очерков интересна нам в основном из-за того, что, составляя эти тексты, Батури́н говорил не столько о методе исследуемого поэта, сколько о своём собственном подходе. Отмечая наиболее важные и интересные элементы стиля и мировидения классика, он выбирал именно те, которые были близки ему самому, несмотря на то что поэтика того или другого автора в целом кардинально отличалась от батури́нской.

Поэзия Рюрика Ивнева была ценна для Батурина тем, что в ней чувствовалась «предельная обнажённость души»¹⁰, а ранние стихи Николая Асеева были интересны Батури́ну потому, что «через безусловный талант Асеева проглядывают его попытки вместить в себя других, более талантливых новаторов»¹¹. Фразу я цитирую дословно, она сама по себе выглядит слегка нелепо, но в этой нелепости прослеживается желание пробиться к мысли о том, что деконструкция не есть эпигонство. Попытка пробиться к пониманию приёмов других авторов затеяна для того, чтобы не просто понять, но и попробовать поиграть в эту постмодернистскую игру самому, попробовать поработать с «чужим словом» не как с образцом (чтобы сделать что-то по образу и подобию), но как с инструментом диалога (чтобы использованный «кирпичик» вдруг изменил изначальный звук и смысл). Так, к примеру, строки «Нет, мои загорелые ноги / не увидеть тебе никогда» — явная отсылка к одностишию Брюсова.

Третий выпуск «А la поватых страниц» содержит особенно любопытный с точки зрения исследователя и, судя по воспоминаниям однокурсников, любимый читателями «Аль монаха» сборник «Злов и эйфоризмов» под названием «Ручейник», представляющий собой длинную подборку каламбуров, словотворческих и фразеологических экзерсисов. Как пишут друзья Бату-

¹⁰ А la поватые страницы, № 3, 1986, Томск. — С. 22.

¹¹ А la поватые страницы, № 5, 1986, Томск. — С. 5.

рина на странице в ФБ¹², посвящённой поэту, «“Ручейник” сочинялся и после 86-го года, накидывала вся общажная курилка, особо удачные перлы записывались авторами в толстую общую тетрадь, потом доводились до кондиции. Даже окончательный распечатанный вариант имел добавления. Например, в этом альманахе от руки Максом написано: «“Злон” — это был самый страшный зверь на планете».

Каламбур и паронимазия приходят в стихи Батурина и в форме «бюджетлянского варианта», «как у Хлебникова, Маяковского и Пастернака, с установкой на то, что формальная школа, вслед за Р.О. Якобсоном, назвала “обнажением приёма”»¹³, и в виде классической паронимазии, более «гармоничной» и «использующей паронимию лишь как выразительное средство, но не как некий самостоятельный объект в художественном мире поэта»¹⁴:

*В Королевство Обеих Сицилий
я проник под покровом ноги.
Нет, об этом меня не красили,
да зачем и красить-то — ни зги!
Там царюльником и градогреем
я работать устроился в МИГ...*

В «Ручейнике» Батурин работает с чистой каламбуризацией, без встраивания её в поэтическую речь. В стихах же каламбур и паронимазия обнажаются как приём и решают сразу несколько формальных задач: они становятся маркером игры, игрового дискурса, они наделяют поэта шутливой свободой и создают в тексте градус иронии. Каламбуризация, безусловно, — ещё один способ деконструкции речи, причём самый безболезненный для читателя, лишённый чрезмерной серьёзности:

¹² Компания Meta, которой принадлежит соцсеть Facebook, признана экстремистской организацией и запрещена в РФ.

¹³ Григорьев В. Поэтика слова. — М.: Наука, 1979. — С. 251.

¹⁴ Там же.

*За штоф купил, за то и продаю —
слушайте историю мою*

Парономазия у Батурина соседствует со звукописью; создаётся впечатление, что автор, играя с языком, получает настоящее удовольствие:

*Я влагу Волги пальцем щупал
и Дона дну в глаза смотрел*

Каламбур и ирония Батурина удачно уживаются с обзериутской ноткой; скорее всего, Батурин хорошо знал стихи Николая Олейникова и Николая Заболоцкого, его текстам свойственна оптика абсурда и остранения:

*Чета Петровых мечет стог.
Их мат размерен и тягуч.
Их взор — на северо-восток:
ползёт оттуда стая туч.*

Или:

*На ноге глубокий порез,
видна слоновая кость.
Вместо другой ноги — протез,
от него обида и злость.*

*На руках недельный загар —
будто мазали глиной.
В одной руке чёрный наган,
в другой банка малины.*

Кстати, при публикации стихотворения про чету Петровых произошла интересная история. В книге «Заметки о нынешнем времени» писатель Владимир Крюков вспоминает об этом тексте: «Я напечатал подборку Макса в летнем выпуске литературной страницы. Она попала на глаза секретарю обкома КПСС Зоркальцеву, который сидел в субботу в своём кабинете и про-

сматривал газеты. На селе в это время шёл сенокос, и надо же было секретарю увидеть стишок Макса, в котором говорилось, что чета Петровых, мечущих стог, не уйдёт с покоса...»¹⁵

Уже после выхода номера в редакцию пришла секретарь обкома, провела беседу насчёт того, как молодые «сомнительные стихотворцы» своими стихами «подрывают устои», и заявила, что нужно впредь относиться бдительнее к составлению номера. Далее автор рассказывает, как сотрудники редакции встали на защиту поэта и в дальнейшем ещё не раз газета публиковала Батурина и его друзей. Случай довольно характерный по тем временам. Он показывает столкновение двух эпох и двух менталитетов на уровне редакции периодического издания. Причиной такого столкновения становятся, конечно же, стихи. Стихи абсурдистские, более похожие на крестьян с полотен Малевича, нежели на газетные снимки, сопровождающие передовицы о перевыполнении колхозного плана.

Поэт чувствует своё право использовать наследие абсурдистов, маньеристов, обэриутов, акмеистов и футуристов по своему усмотрению. Он берёт эпитафиями тексты Рюрика Ивнева и Осипа Мандельштама, а в соавторах одного из выпусков «А la поватых страниц» указывает Иисуса Христа.

*ты смотришь на меня и против солнца
кажусь я вероятно Иисусом*

Состояние, когда поэт «кажется Иисусом» и чувствует с Христом единение и родство, — это момент ощущения (и предощущения) поэзии, ведь что есть поэзия, как не совпадение всего со всем, как не ощущение полноты и прозрачности мгновения, когда «стрела с стрелой совместились». Такое мгновение похоже на взгляд сквозь прозрачную толщу воды:

закрыв глаза ныряю и плыву

¹⁵ Крюков В. Заметки о нынешнем времени. Цит. по: [nachalo_veka_2016-4_139.pdf](#) (xn--80alhdjhdxcxhy5hl.xn--p1ai)

*туда где с красным белый дружен бакен
одежда растворилась в кислом море
теперь такой же я как ты но толку
сквозь толщу вод от этого ни капли*

Этот путь, проложенный глазом сквозь прозрачные слои воды, направлен в первую очередь на женщину, на её «треугольник между равных бёдер», и идёт он

*Мимо объявлений огородных комиссий
мимо табличек карантин въезд и вход запрещён
мимо навозного ручья из свинарника*

Путь к женщине (как и путь к поэзии) похож на путь пилигрима, не имеющего ничего общего с пилигримом Бродского, бредущего «мимо ристалищ и капищ»; Макс Батурин — вообще весь «мимо» Бродского, хотя, безусловно, он не мог не знать стихов нобелевского лауреата и не ощутить их навязчивую суггестивность. И дело не в том, любил или не любил Батурин Бродского; он просто не впускал в свои тексты чуждую риторику. А это значит, что «чужое слово» в его текстах хоть и «чужое», но далеко не случайное.

III.

В огромном городе моём — ночь.

Марина Цветаева

Исследователь рок-поэзии Юрий Доманский пишет, что «подавляющее большинство исследований в той или иной степени посвящено интертекстуальному аспекту, в частности, проблемам “чужого” <...> слова в рок-стихах». Но далее он добавляет, что «вместе с тем, уклон в сторону интертекстуального подхода чреват определёнными опасностями. Пожалуй, главная из них — «не увидеть за “чужим” словом “своего”, авторского <...>. В результате рок-поэзия порою осмысливается только как искусство компиляции, синтезирующее разнообразные

цитаты»¹⁶. Говоря о звучании «чужого слова» в текстах Батурина и о его опытах деконструкции и игры с «мы-риторикой», я хотела бы подчеркнуть, что всё-таки приёмы, свойственные постмодерну и рок-культуре, были у Батурина не единственным и не основным методом. Второй (по Кожевниковой) метод, «смысловоявляющий», на мой взгляд, более соприроден Батурина как поэту. Его путь — путь не разрушения, а поиска смысла, который он надеется обнаружить в процессе преодоления языка, поиска чуда в окружающих его бытовых мелочах.

*Я мог бы стать соавтором
семи чудес света,
но...*

Поэт пишет так называемые стихи на случай, где происходит поэтизация реальности как описание внезапного чуда, происходящего на глазах у автора строк, а теперь уже и у читателя. Мол, посмотрите: чудо теперь существует, а ты, прочитавший, делай теперь с ним что хочешь. Вот стихотворение «К постановке телефона»:

*Я могу позвонить куда захочу,
потому что поставили дома трезвольник.
Я от сердца урвал целый новенький стольник
и теперь день-деньской диск прозрачный верчу.*

Здесь чудо появляется во второй строке, вместе с «трезвольником» как результатом словотворчества. «Трезвольник», собственно, и есть кульминация стихотворения, и это слово само по себе обладает послевкусием и «послезвучием», оно продолжает звенеть, пока мы дочитываем катрен до конца.

В другом стихотворении происходит поиск чуда в текущем времени; здесь главным становится ритм. Автор с его помощью воспроизводит одно-единственное короткое, едва мелькнувшее

¹⁶ Доманский Ю. Рок-поэзия: проблемы и пути изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1999. Вып. 2. — С. 45.

мгновение. По форме этот текст близок к японской и китайской поэзии, а в живописи — к жанру японской гравюры укиё-э, «картин уходящего мира».

Длинное тело сверкнуло, упало.

Змея?

Женщина?

Привидение?

Бред.

Ёжик молока попил, убежал.

Маленькие повседневные чудеса совершают прорыв реальности, с помощью которого поэт максимально отодвигает и остраивает «бытовое» и приближает «чудесное».

Воспари, вознесись, подними меня

над мусорными баками...

В воспоминаниях публициста Вячеслава Овсянникова есть фраза, приписываемая поэту Виктору Сосноре: «В стрессе, в переживании изнутри, во внутреннем языке ломаются грани, возникают странные, загадочные и великолепные миры. Вообще художники живут собой, для себя. <...> Никакого дела нет ни до читателей, ни до денег, ни до славы... <...> Художник перепрыгивает с вершины на вершину и при этом может сорваться, может писать дерьмо. Но это его дерьмо, он стремится из него выбраться и достичь новой вершины»¹⁷.

При чтении стихов Батурина есть ощущение такой попытки «прыгать с вершины на вершину», без оглядки на зрителей и слушателей. В Сети можно найти записи чтения Батуриным стихов со сцены, где он сидит перед микрофоном, уткнувшись глазами в книжку, и никак не реагирует на восторженную реакцию зала; создаётся впечатление, что аплодисменты, гремящие после каждого следующего стихотворе-

¹⁷ Овсянников В. Прогулки с Соснорой // Аврора, 2019, № 6. — С. 98–115. С. 103.

ния, явно ему мешают. Тем более что восторженная радость и смех зала не всегда совпадают с посылом читаемых текстов. Когда я смотрела видео, меня преследовало ощущение раздвоенности автора между образом, создаваемым на публику, и читаемыми текстами. В некоторых стихах Батурина также присутствует некая множественность сознания, его коллажность:

*Я, как владелец странноприимного дома,
страдающий идиосинкразией к лицам,
собрал в своей голове сотни обликов,
которые толпятся и распирают её изнутри.*

На этой «разделённости сознания» в поэтике Батурина мне бы хотелось немного остановиться.

Существует культурологическое понятие о мифологии ночи и дня, а также о делении самих народных культур на «ночные» и «дневные»; например, в еврейской традиции весь остальной мир соотносится с культурой солнца, а самих себя еврейские мудрецы отождествляли с лунным, ночным светом, тем, что дарит надежду в абсолютной тьме. Именно ночное время в некоторых традициях считается лучшим временем для работы с текстами, для молитв и медитаций. В стихотворении Александра Блока очень ярко прописан образ именно такой ночи — хранилища тайн и пространства для удержания зыбкого покоя души и обострения чувств:

*Я жду — и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, боже, ночные души!*

«Ночные души» Блок заимствует у Тютчева (стихотворение «О чём ты воешь, ветр ночной?»), которого считает самым «ночным» русским поэтом. В свою очередь, мифопоэтика ночных образов Тютчева восходит к немецкому романтизму, в котором это время суток «играет центральную роль как сфера хаоса, бессознательного, поглощающего, но одновременно и сфера

возрождения»¹⁸ (А. Ханзен-Лёве). Впрочем, тютчевская ночь в основном так и остаётся переполненной трансцендентными ужасами (она непостижима и противопоставлена человеку), тогда как Блок трактует ночь как особое состояние человеческой души, причём наиболее гармоничное её состояние, чего не скажешь, к примеру, об образе утра; утро у Блока — самое тревожное и депрессивное время суток.

В мифопоэтику Батурина, особенно в поздних его текстах, ночь включена как основная, довлеющая фигура, она определяет состояние, из которого пишется большая часть стихотворений. Ночь Батурина очень походит на ночь Блока; это не столько время суток, сколько состояние души, причём, по большей части, комфортное состояние:

*Отброшенное ночью одиночество
настигает утром в пустом флэту, —*

или:

*и нет вина осталась только ночь
а кончится она и ничего не будет.*

Для сравнения, у Блока:

*Лишь утром воронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!*

Такое противопоставление ночи и утра (ночи и дня), с одной стороны, восходит к библейскому: «Горе желающим дня Господня! для чего вам этот день Господень? он тьма, а не свет» (Книга пророка Амоса, глава 5, стихи 18–20). С другой стороны, такой подъём жизненных сил и работоспособности к вечеру

¹⁸ Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. — СПб.: «Академический проект», 2003. — С. 367.

в сочетании с полным утренним упадком сил и эмоциональной «ямой» в утренние и дневные часы — очень характерное описание клинической депрессии. Я не ставлю перед собой цели анализировать душевное состояние того или другого поэта и делать предположения о его близости к данному расстройству; я только отмечаю, что в стихах Батурина присутствует весьма выпуклое художественное изображение тревожно-депрессивной картины мира, когда только вечером и ночью для лирического героя возможно наступление условного покоя и гармонии, а утром снова наступает тоска

*или сон осуждённого на смерть перед казнью;
или сифилис в третьей стадии у короля Непала,
а если вам и этого мало, —
откройте окно, и перед вами предстанет мир
во всём своём безобразии...*

Ночь в поэтике Батурина — пространство, где бытовое сплетается с сакральным:

*Ночь это стирка серых и красных носков
жалость к себе беременного существа*

Такая ночь отличается от ночи Блока именно десакрализацией и одновременно приближается к ночи Тютчева наличием трансцендентного элемента, который обеспечивает поэту (и его читателю) путешествие в бессознательное. Ночью поэтическое мировидение возвышается над непоэтическим и поглощает его, это время прозрения и озарения, когда темнота в сознании человека внезапно оборачивается светом (вспомним царя Соломона: «Он благоволит обитать во мгле» (2Пар. 6:1)). Ночь становится очищением, причём поэт подчеркнута десакрализует этот процесс:

*а сейчас ночь
и только шум ассенизационных машин
вплетается в тиканье часов да мой плач*

Именно ночью просыпается самосознание художника:

*Июнь принёс мне второе зреньё
Может теперь я ещё и художник
это решу я выпавшись утром*

Причём, исходя из контекста других стихотворений Батурина, читателю становится понятно, что именно утром-то лирический герой ничего для себя решить не сможет, потому что, явившись в свой срок, утро задавит своей серой массой любое его желание, любой живой вопрос.

Поэзия — «сон разума», и он, как известно, рождает чудовищ. Чудовища Макса Батурина, которые являются во время этого сна, хотя и нелепы, но настоящими кошмарами по большей части не становятся; может быть, потому что они находятся под защитой «ночи сознания», времени, благодатного для рождения стихов. Возможно, поэзия и была для Батурина способом рождения заклинаний, превращающих страх в смехотворную нелепость, оторопь в изумление, а тревогу в созерцательное спокойствие:

*сон разума в чудовищных носках
немилосердный гений офигений.*

Такая бытовая деталь, как носки, довольно часто встречается в стихах Батурина: это хороший образ, чтобы вовремя сбить подступающий пафос высказывания. Подобная оптика не даёт времени для описания ночных кошмаров. Страх — явление из разряда серьёзных; а серьёзности в поэтике Батурина противопоставляется карнавал, идёт игра на понижение не ради самого «понижения», но ради того, чтобы уничтожить кумира, порождающего страх и ужас:

*И выходят и видят он в белом венчике
срёт какую-то свёклой*

Но этот способ борьбы со страхом работает не всегда.

IV.

Так и сидеть останусь, умерев...

Макс Батури

Иногда о смерти Батури пишет с привычным ёрничеством:

*Ну конечно, заболею
и умру под Новый год!*

Отношение к смерти в текстах времён «А la поватых страниц» у Батурина нередко шутейное. В одном из стихотворений он пишет про друга, работающего в анатомичке и на первый взгляд похожего на ангела смерти или на Сатану, с которым поэт готов повернуть сделку по продаже собственного тела и который к концу текста оборачивается чуть ли не Творцом, руководящим динамикой перерождений. Впрочем, этому «Творцу» ещё и присущ некоторый коммерческий талант, он тоже своего рода бизнесмен:

*Поторговавшись, мы остановились на
Пятнадцати рублях наличными.
Я уже так третий раз у него занимал
И всегда отдавал. И всё отлично.*

Иногда смерть в стихах Батурина возникает как повод для остранённого, почти детского изумления:

*Закрыв глаза, ловлю открытым ртом
последний аромат плодовых древ.
Так и сидеть останусь, умерев*

В этом тексте («Пришли, раскинулись, а сыр во рту держали...») в качестве персонажа фигурирует некий Иванов, который оказался «педерастом» и одновременно героем новой басни (Батури дважды даёт аллюзии на басни Крылова), а лирический герой наблюдает за современным сюжетом, сидя на своего рода «красивом холме» из песни Бориса Гребенщи-

кова¹⁹. Лирический герой невозмутим, спокоен и неподвижен, практически растворён в окружающем мире, что, по сути, уже само по себе приравнивается к небытию. Ситуация и абсурдна, и иронична, но для Батурина иронии достойна только собственная смерть.

Чтобы сосуществовать с экзистенциальным ужасом, поэт предлагает единственный способ: принять его и смириться с ним. Только в таких условиях могут обостряться чувства и мысли, а жизнь становится подготовкой «к самосожжению», которое происходит ежедневно:

*Главное — твёрдо решить, что жизнь кончена,
и тогда наступает полный привет.
Тогда каждый день ощущаешь как бы последним днём
и радуешься ему как дитя, —*

потому что:

*и если я не стану бороться за каждый день
меня смахнут и забудут
так же как вытирают вездесущую пыль.*

Но когда поэт лицом к лицу сталкивается с реальной смертью, в частности со смертью друга, из его текстов уходят и шутовство, и ёрничанье, и экзистенциальная философия, и на их место заступают вытесненный страх и реальные, а не выдуманные персонажи. И когда страх всё-таки показывает своё отвратительное лицо, поэт фиксирует происходящее, и «сон разума» уже не спасает его от чудовищ, и смерть становится «триумфом зла»:

*Как же я без тебя?
Вот так. Иногда даже смеюсь.
Сегодня ходил в кино.
В промозглом зале умер Иван Ильич.
Мы вышли, дрожа, в холодный вечер,*

¹⁹ Внесён Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

*дрожа закурили, дрожа разошлись —
Куртуков, Филимонов, Ромочка, Ленка, я.
А тебя давно уже нет.*

Подчёркнуто обывательское отношение к жизни и смерти, обыденный абсурд, не смешной, а трагический, похожий на «поливальную машину после ночного сентябрьского дождя», и есть тот самый триумф зла, против которого даже у поэзии иногда не хватает оружия. Когда ослабляется защита иронии и самоиронии и «чужое слово» больше уже не спасает, у Батурина возникают тексты поистине страшные, в которых запрятано не «чувство ночи», а «чувство дня», наполненного жаром, бредом и ужасом:

*по черепице вод сквозь мельницы и страх
ведут меня текстиль и алюминий*

*по бредящим отравой лекарям
по дышащим отравой колесницам*

Ночи и её нелепым «чудовищным носкам», состоящим не из ткани, а из какой-то другой субстанции, противопоставлены «текстиль и алюминий», два вида материалов с жёсткой структурой. Соединённые в одной строчке, они вызывают в воображении смирительную рубашку и металлические поручни больничных коек.

Но если при чтении этих текстов возникает чувство, что писал их некий маргинал, принадлежащий исключительно богемной среде, то это неверное ощущение. В разговоре-интервью²⁰ с Андреем Филимоновым* Батурин рассказывает о том, как он пытается вести собственный бизнес по регистрации и перерегистрации предприятий и попутно выпускать газету «Советский учитель»; довольно многие в девяностые годы пытаются «делать бизнес», чтобы элементарно прокормить себя и семью. Со слов Батурина, несколько работ его «держали» (на плаву)

²⁰ Беседа Макса Батурина и Андрея Филимонова*. Цит. по: <https://maxbaturin.com/stihi.php?id=10>

не только в финансовом смысле, но и в эмоциональном. Превращение поэта в бизнесмена происходило, с его слов, «безболезненно», однако через какой-то промежуток времени он проговаривается: «Хотя идёт параллельно большая внутренняя работа и отрешение от этого происходит. В принципе, гораздо честнее, казалось бы, заниматься каким-то писательством»²¹.

Кстати, в этой дружеской беседе как раз заходит речь о будущем — оба друга говорят о том, что совсем скоро наступит новое тысячелетие. Разговор происходит в апреле 1996 года, а в июне Батурин напишет:

Лето — это мука условностей. Я уже давно не являюсь собой. У меня даже нет почерка.

У меня нет ничего, в том числе и будущего. Так и буду крутиться от этих губ к тем.

Трепещи, трус, — это твоя единственная улада.

Батурина не оставляет мысль о предопределении всего происходящего не только с ним самим, но и со всей окружающей действительностью. В стихотворении лета 1996 года «На нищей Родине» есть попытка посмотреть в лицо этой действительности:

И что же сделал этот русский человек?

Он в очередь столпился за лимоном.

Он крал обрат для восьмерых детей...

<...>

Судьба его ужасней, чем грейпфрут:

ни холоден, ни сладок, ни горяч...

Пожалуй, для поэта это самое невыносимое состояние — когда он чувствует, что «взвешен на весах и признан лёгким». Что это были за весы и не была ли в их механизме заложена чудовищная погрешность, мы уже вряд ли узнаем.

²¹ Там же.

Проходя по мосту
меня ты вспомни
Чекистским трактом проезжая
вспомни меня
узким мостом
узким местом
вспомни
Ты идёшь
но куда
я — дорога твоя
Я вошёл в твоё узкое место
и я стал узким местом твоим

В начале этого очерка я говорила о декларативности в самоопределении Батурина как поэта; он называл себя «чистой воды рок-н-роллером» и ушёл из жизни рано, как и многие представители рок-культуры, в том числе и русской. Егор Летов, писавший о необходимости постижения жизни через разрушение и смерть, со слов друзей и критиков, несколько раз переживал собственное «перерождение», и его жизненный и творческий путь можно разделить на определённые этапы. Янка Дягилева и Александр Башлачёв не пережили ни одного такого «перерождения», их уход был окончательным. В своей статье о Янке Дягилевой²² я уже говорила, что ранняя смерть поэта, какой бы она ни была, в контексте разговора о наследии автора, о его поэтике и о его голосе не может рассматриваться ни как самоцель, ни как способ реализации определённого типа биографии. Эта человеческая трагедия просто сужает тот временной промежуток, в течение которого работал автор, и не позволяет нам смотреть на его работу с прицелом долгосрочного её развития. Смерть консервирует наследие поэта в определённом временном периоде, на том самом «узком месте», о котором, может быть, и писал Макс Батурин.

²² Аникина О. Янка Дягилева: «И думаю, что не такая я вовсе...» // Современная литература, 14.07.2021. Цит. по: <https://sovlit.ru/ujti-ostatsya-zhit/tpost/up781r0ib1-yanka-dyagileva-i-dumayu-chto-ne-takaya-a?ysclid=ll4g2zgdkm955973828>

Иногда кажется, только вот на такое «узкое место» в жизни взрослого человека и может рассчитывать поэзия. На неё вечно не хватает времени, которое щедро тратится на выживание и зарабатывание денег. Но когда оглядываешься назад и спрашиваешь себя, чем была ценна твоя жизнь, чем уникальна, вспоминаются главным образом вещи, лишённые прагматики и бессмысленные с точки зрения бытовой логики — той самой разумной и размеренной логики «дня». Парадоксальным образом в памяти в такие минуты может всплывать нечто странное, болезненное и прекрасное. И наш практический разум проявляет свою несостоятельность именно в экзистенциальных ситуациях — когда человек стоит на том самом «узком месте», на самом краю, за которым — только путь в неизвестность.

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Филимонов*. Смеяться или же хохотать? 5

I

PRO НАС ТОЛЬКО CONTRA

«Последние четыре апельсина...»	20
«Все улетели уехали синие стёкла...»	21
«Капает молча вода...»	22
«Лимонных вересков голубоглазый гений...»	23
«Всё осядет...»	24
«В разрушенных кирпичных колоннадах...»	25
Засыпая	26
Мы достроим	27
1973	28
«Ночь это стирка серых и красных носков...»	29
«Беременные женщины не спят...»	30
Воспоминания и мысли бессонной ночи	
1. «Пора окончания перехода восхода в закат...»	31
2. «Путешествия на водоёмы, которые спят...»	31
3. «Как губы холодны дома разрушены...»	32
«Твой горький смех как сера из ушей...»	34
«Ни жив ни мёртв я как вода...»	35
«Бессонница и нервный тик часов...»	36
«Ни этот лай безоблачной собаки...»	37
Посвящения Тане Мишанской	
1. «Меня не вдохновляет уже почти ничего...»	38
2. «Возле пруда...»	38
3. «Запасы холодной воды это память о мысленном снеге...»	39
«Утехи зимы...»	41
«Я видел обезглавленных евреев...»	42
«Центр тела телецентр...»	43

«Способ существования меня как белкового тела...» . . .	44
«Я хотел бы снять и выбросить...»	45
«Ты говоришь деревья зацветут...»	46

II

ВОЗЛЕ САМОГО СИНЕГО ДОМА

«Итак, перспектива: поле домов...»	48
«Это входит сестра...»	49
«не девушка девочка почти мальчик...»	50
Звёзды? Фонари?	51
«Я величаю тебя по именам...»	52
Глубокомыслие майского полдня	53
«Чудо выходит на сцену, кутаясь в зонт...»	54
«Когда нас осеняет...»	55
Вместо того чтоб меня целовать	56
«Слова ради слов...»	57
«Я автобус, чей двигатель сдох...»	58
«Было достаточно инициатив...»	59
«Безвременье. Безжеланье. Усталость...»	60
«Меня уже покинули...»	61
«инженерно-техническая ваза...»	62
«Нет, мои загорелые ноги...»	63
«Сиреневый от слив, лиловый от опоя...»	64
«Мной не рассказанные сказки...»	65

III

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

«За штоф купил, за то и продаю...»	68
Он любит груши	69
Я — водяной?	71
«Незаметное мерзкое что-то...»	72
Что-то итальянское	73
«Почему бы не написать о чём-нибудь жалко-...»	74
Произведение для церковного хора. Исполняется на мотив простенького рок-н-ролла . . .	76
К постановке телефона	77
Вдвоём с котом по жизни мы идём <i>(куски из эпоса)</i>	78
«Чета Петровых мечет стог...»	79

«Любезный! Милый! Отвлекись от абрикосов...»	112
«Голуби били тревогу...»	113
«Начался Юлин месяц...»	114
«Когда летишь почти не плача...»	115
«Во сне ты снимаешь штаны а ноги твои волосаты...» . .	116
«о ледяных дворцах ты пишешь письма...»	117
«А голову чесать начнёшь — не перестанешь...»	118
«Если уйду — то хотя бы как мальчик...»	119

V

ВЗВЕЙТЕСЬ КАСТРАТАМИ, СИНИЕ ОЧИ

«Настрадались мы, настрадались...»	122
«Самоубийца спит вполу-...»	123
Боса-нога	124
Пробудившись	125
«Пошарив рядом растекающейся рукой...»	126
«Из опьянённых бензином потёмков...»	127
«О чём бежишь ты в капроновом пиджаке...»	128
«Длани Татьяны Борисовны — сны...»	129
«Искушения дня начались с десяти...»	131
«ошеломление синего дня...»	132
«Меня повстречали Оля и Ляля...»	133
Явь	134
«О азиатская грация степи...»	135
«Весёлые дети бежали с горы...»	136
«Всё в ожидании сентября и налим...»	137
«Товарищ детских игр...»	138
Этил — яд	139
«Быть странным, быть больным...»	140
«Родное яблоко червя...»	141
«Лечу ли? Падаю ли? Плюнут с колокольни?»	142
«гадание растительного масла...»	143
«Ты смеёшься, горло заросшее брея...»	144
«Коты ушли но прилетели мухи...»	145
«Взошла звезда над Иерусалимом...»	146
«Трупы животных спрессованы в колбасу...»	147
«Плоды помешательства и кривлянья...»	148
«Живу только ради святого Слова...»	149

VI В ОДНУ И ТУ ЖЕ ВОДУ

«Когда людям хорошо — они собираются в стаи...» . . .	152
Как бы хокку	153
Стихи Анжеле из сумасшедшего дома	
1. «Золотые звёзды падают с неба...»	154
2. «Ангел мой...»	154
3. «Эти вечера никогда не забыть...»	155
4. «Двое суток лекарственного сна...»	155
5. «В мыслях о тебе...»	156
6. «Ночь пришла...»	156
7. «Милая, не плачь, хорошо?»	157
8. «Две пачки сигарет...»	157
9. «Мне стало лучше...»	158
10. «Вероятно завтра...»	158
Рифмы	159
11. «Покой деревьев незыблем...»	159
Открытка	160
12. «Тихие слова щебетанье птиц...»	160
13. «Теперь легко об этом вспомнить...»	161
14. «Затмение луны...»	161
Теперешнее «Я»	161
«Упали лепестки рябины...»	162
«Лето порхает бабочкой...»	162
Свобода	162
Из цикла «Два наоборот»	
1. «Лепестки твоего сердца...»	163
2. «Сердца твоего лепестки...»	163
17. «Слова и слова, ангел мой...»	163
18. «Что может сказать пустая моя голова...»	164
Золотая звезда	165
«Дитя любви...»	166
«Из синих закоулков лета и полыни...»	167

VII ГЕНИЙ ОФИГЕНИЙ

«Отброшенное ночью одиночество...»	170
«Ледяные плоскости лиловой ночи...»	171
Из сборника «РЕЖИМ "В"»	
1. «ТЫ ВСЁ-ТАКИ ВЗОРВЁШЬСЯ, ТИШИНА!»	172
2. «Твой треугольник между равных бёдер...»	173
4. «Шестнадцать раз часы пробили...»	174
5. «у красного лебедя вышли из строя...»	175
6. «Колючую проволоку "люблю" ...»	176
7. «К счастью пошёл дождь...»	177
8. «Головкин сказал...»	178
9. «Мимо объявлений огородных комиссий...»	179
10. «Через ров текущий мутным ручьём...»	180
Будем как Леннон	181
«Я стану изобретателем, регистратором...»	182
«Пришли, раскинулись, а сыр во рту держали...»	183
«Сон старика отца тревожен...»	184
«Сон разума в чудовищных носках...»	185
«Кузены по оружию пламенем объята...»	186
«И выходят и видят он в белом венчике...»	187
«Всё более нервен...»	188
«Возьми меня в член...»	189
«Этот зимний февральский день...»	190
«Тише, тише, и чем тише, тем больше драйву...»	191
«Накормленный рыбой, объятый Морфеем...»	192
«Скрестивши пальцы в чёртовы ворота мимо...»	193
«Жуя безвкусный помидор...»	194
«Вегетарианский завтрак Левиафана...»	195
«Это пришло. Это круче, чем рыба в перчатках...»	196
«Снег летит, вздуваемый, мучимый ветром...»	197
«Небесному сопрано подражая...»	198
«Ты будешь идти, вода будет плескаться...»	199
«Кажется, уже для меня самого не значит...»	200
Стихи без названия, посвящённые Тане Олеар	
«Собаки выли ещё и ещё...»	201
«Моя агония стала огнём...»	202
«Мои мысли — это их слова...»	202

«Томление духа пришло с горних...»	202
«Я отравлен таблетками, отравлен газом...»	203
«робко прячущий своё жирное тело в утёсах тебя...»	204
«Ветер надул бурю и дождь...»	204
«Главное — твёрдо решить, что жизнь кончена...» . .	205
«То есть жизнь-то, конечно...»	205
«Облака к вечеру — что за прелесть!»	205
«На следующей нам выходить из этого автобуса...» . . .	207
<i>Ольга Аникина. Соавтор семи чудес</i>	<i>208</i>

Проект «УЙТИ. ОСТАТЬСЯ. ЖИТЬ»

Антологии литературных чтений «Они ушли. Они остались»

1. «Уйти. Остаться. Жить» (Том I: 1990–2010-е) /

Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, И. Б. Медведева, В. В. Коркунов. — М.: ЛитГОСТ, 2016. — 460 с.

2. «Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть I: 1970-е) / Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.: ЛитГОСТ, 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 388 с.

3. «Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть II: 1980-е) / Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.: ЛитГОСТ, 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 456 с.

4. «Уйти. Остаться. Жить» (Том III: 1990-е) / Составители: Б. О. Кутенков, Н. В. Милешкин, Е. В. Семёнова. — М.: Выргород, 2023. — 448 с.

Серия

Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»¹

Редакционная коллегия:

Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин

1. **Владимир Полетаев**, «Прозрачный циферблат». — М.: ЛитГОСТ, 2019. — 150 с.

2. **Михаил Фельдман**, «Ещё одно имя Богу». — М.: ЛитГОСТ, 2020. — 100 с.

3. **Алексей Сомов**, «Грубей и небесней». — М.: ЛитГОСТ, 2021. — 220 с.

4. **Гоша Буренин**, «луна луна и ещё немного». — М.: ЛитГОСТ, 2021. — 96 с.

5. **Леонид Шевченко**, «Забвению в лицо». — М.: ЛитГОСТ, 2022. — 140 с.

6. **Макс Батурин**, «Гений офигений». — М.: Выргород, 2024. — 242 с.

¹ До 2024 г. серия сохраняла название «Поэты литературных чтений “Они ушли. Они остались”».

Литературно-художественное издание

Книжная серия
«Поэты антологии “Уйти. Остаться. Жить”»

Макс Батурич

Гений офигений

Избранные стихотворения

Главный редактор издательства «Выргород» *Лев Наумов*

Редакторы *Борис Кутенков,*

Николай Милешкин, Елена Семёнова

Технический редактор *Владимир Коркунов*

Дизайн обложки *Мария Юганова*

Корректор *Татьяна Никольская*

16+

*Знак информационной продукции согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 г. №436-ФЗ*

По вопросам приобретения и распространения продукции издательства

«Выргород» обращайтесь:

<https://wyrgorod.ru/> ales@wyrgorod.ru +7 916 365 6000

Подписано в печать 28.01.2024 г.

Формат 60х90 1/16, печать офсетная. Гарнитура FavoritBookC

Отпечатано в типографии ИПК «Квадрат»

Белгородская обл.,

309504, г. Старый Оскол, Комсомольский пр-т, 73